

INSPIRIA

ГØД ПЕРВЫЙ

НАШЕМУ МИРУ ВЫНЕСЕН ПРИГОВОР

НОРА РОБЕРТС

INSPIRIA

Хроники Избранной

Нора Робертс

Год первый

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Робертс Н.

Год первый / Н. Робертс — «Эксмо», 2017 — (Хроники
Избранной)

ISBN 978-5-04-119419-2

Новый роман признанного автора бестселлеров Норы Робертс! Сплав постапокалипсиса и брутального городского фэнтези для поклонников «Противостояния» Стивена Кинга. Бестселлер New York Times, после выхода в 2017 году занимавший первую строчку топа. Увлекательный сюжет о глобальной пандемии на стыке магии и актуальной повседневности. Харизматичные герои, красочные картины гибнущей цивилизации и колдовские обряды не дадут заскучать. Совокупный тираж книг Норы Робертс превышает 500 миллионов экземпляров! Всё началось в канун Нового года. За считанные недели мистический вирус, названный Приговором, положил конец цивилизации и уничтожил половину населения Земли. Многие из выживших изменились навсегда – и стали магами, способными летать, проклинать, зажигать огонь силой мысли. Среди них – бывшая шеф-повар, открывшая в себе колдовской дар; журналистка-фея; фельдшер-ясновидец, вынужденный оберегать молодую мать и троих детей. Приговор разрушил их жизни и обрёл на выживание в мире, где властвуют тьма, хаос и страх. Лишь не рождённый ещё ребёнок может однажды вернуть в него свет, – но есть те, кто хочет этому воспрепятствовать. Чтобы убить Избранную и женщину, которая носит её под сердцем, они пойдут на всё. И иные из них прячутся под масками тех, кому ты привык доверять больше себя самого... Встречайте захватывающее постапокалиптическое фэнтези от королевы бестселлеров Норы Робертс!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-119419-2

© Робертс Н., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Приговор	10
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	49
Побег	59
Глава 6	60
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Нора Робертс

Год первый

Nora Roberts
CHRONICLES OF THE ONE, #1: YEAR ONE

Copyright © Nora Roberts, 2017
This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод Ольги Бурдовой
Иллюстрация на переплете Ирины Косулиной

© Бурдова О., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

ХРОНИКИ ИЗБРАННОЙ

ГОД ПЕРВЫЙ

ОТ ПЛОТИ И КРОВИ

РАСЦВЕТ МАГИИ

*Посвящаю Логану,
в благодарность за совет*

Приговор

*Душа более чутко внимает спокойному, тихому голосу, чем
оглушительной поступи рока.*
УИЛЬЯМ ДИН ХАУЭЛЛС¹

Глава 1

Дамфрис, Шотландия

Когда Росс Маклеод спустил курок и попал в фазана, то даже представить не мог, что тем самым приговорил к смерти самого себя. А также миллиарды других людей.

А началось все с того, что в холодное и сырое утро своего последнего года жизни он отправился на охоту вместе с братом и кузеном Хью. Они шумно топали по хрустящей от инея траве резиновыми сапогами под по-зимнему ярко-голубыми небесами. Шестидесятичетырех-летний мужчина чувствовал себя здоровым и полным сил, так как три раза в неделю посещал тренажерный зал, а также питал страсть к игре в гольф, что подтверждал коэффициент гандикапа, равный девятке².

Росс с братом-близнецом Робом основали и успешно развили маркетинговую фирму с филиалами в Нью-Йорке и Лондоне. Жены охотников решили остаться в тепле уютного фермерского коттеджа, чтобы готовить и печь угощения к Новому году на огне большого каменного очага, где всегда кипел чайник.

Земли Маклеодов в Шотландии занимали свыше восьмидесяти гектаров и передавались из поколения в поколение более двух сотен лет. Хью обожал ферму почти так же сильно, как жену, детей и внуков.

Сразу за полем, которое пересекли мужчины, виднелись далекие вершины холмов на востоке. А на западе совсем рукой подать было до Ирландского моря³.

Росс с Робом и их семьи часто путешествовали вместе, но ежегодную поездку на ферму все ждали с особым нетерпением. Еще мальчишками близнецы проводили летние месяцы, бегая по полям с Хью и его братом Дунканом, который позднее выбрал судьбу военного и погиб во время одного из заданий. Несмотря на городское воспитание, Росс с Робом с удовольствием погружались в сельскую жизнь и выполняли все поручения дяди Джейми и тети Бесс: учились охотиться, рыбачить, кормить кур и собирать яйца. А еще исследовали вдоль и поперек пешком и верхом все окрестные луга и леса.

В особенно темные ночи братья выскальзывали из коттеджа и отправлялись на то самое поле, по которому шагали сейчас, чтобы провести секретное собрание по вызову духов в небольшом каменном круге, что местные жители называли «скиах да солас» – щит света. Однако у мальчишек ни разу не вышло ни увидеть призрака, ни поймать хоть одного фейри, хотя они знали, что лес так и кишел волшебными существами. Если не считать того полночного приключения, когда даже воздух, казалось, замер в ожидании. Росс мог поклясться, что

¹ Уильям Дин Хауэллс (Howells, William Dean) (1837–1920), американский писатель, критик. (Здесь и далее прим. пер.)

² Гандикап – это числовая мера потенциальных способностей игрока в любительском гольфе. Чем ниже коэффициент гандикапа, тем выше потенциал игрока в гольф. Обычно на поле не допускается игрок с гандикапом выше 28 (36 для женщин).

³ Ирландское море – Атлантический океан между островами Великобритании и Ирландия.

почувствовал тогда присутствие какой-то темной твари, слышал шелест ее крыльев и ощущал зловонное дыхание.

А еще пережил ужасное мгновение, когда чудовище коснулось его.

В панике и отчаянной попытке выбраться наружу Росс тогда споткнулся и оцарапал запястье о шероховатую поверхность одного из камней. На землю внутри круга упала капля крови.

Уже взрослыми братья не раз посмеивались и поддразнивали друг друга, вспоминая события той ночи и смакуя драгоценные минуты совместных приключений.

А еще Росс с Робом завели обычай ежегодно приезжать сюда с женами, а затем и с детьми на несколько дней, чтобы погостить со второго дня рождественских каникул до второго января.

Вот и в этот раз обе семьи явились почти в полном составе. Только сегодня сыновья со своими женами уехали в Лондон, чтобы отметить с друзьями Новый год и завершить рабочие дела. Лишь дочь Росса, Кэти, находилась на седьмом месяце беременности и решила остаться в Нью-Йорке. Зато она обещала устроить праздничный ужин родителям по их возвращении. Конечно, событие так и не состоялось.

Но в тот последний бодрящий день года Росс Маклеод чувствовал себя деятельным и веселым, как мальчишка. На секунду он удивился кружащим над монолитами воронам и внезапно пробежавшему по позвоночнику холодку, однако отбросил все посторонние мысли, задев цветной молнией взлетевшего фазана.

Охотник вскинул дробовик, подаренный дядей на шестнадцатый день рождения, и почувствовал, как вспыхнула боль в царапине на запястье, полученной более пятидесяти лет назад. Пусть на мгновение, но все же...

А затем Росс спустил курок.

После выстрела вороны закаркали, однако не бросились врассыпную. Наоборот, одна из них метнулась под пулю. Мужчины рассмеялись, когда черная птица врезалась в уже падающего фазана, направив его в центр каменного круга. Капли крови слились в лужицу на промороженной земле.

Один из жизнерадостных лабрадоров Хью опрометью помчался за добычей.

– Ты видел эту сумасшедшую ворону? – спросил Роб, положив руку на плечо брата.

– Фазан на обед ей не достанется, это уж точно, – отозвался Росс, покачав головой, и они оба рассмеялись.

– Да, это наша добыча, – кивнул Хью и добавил: – Получается по птице на каждого. Настоящий пир!

Роб вытащил палку для селфи и предложил братьям продемонстрировать трофеи.

Трое охотников с покрасневшими от холода щеками и искрящимися голубыми глазами сфотографировались и неспешно направились обратно к коттеджу.

Тем временем пролитая птичья кровь вскипела, словно на огне, и впиталась в мерзлую землю, заставив щит истончиться, пойти трещинами.

Довольные добычей мужчины шагали мимо полей, где на легком ветру колыхались посевы овса. Неподалеку на холме паслись овцы. Одна из коров, которых Хью держал на откорм и убой, протяжно замычала.

Во время прогулки Росс думал о том, как ему повезло проводить старый год и встретить новый на ферме, рядом с любимыми людьми.

Из труб приземистого каменного здания струился дым. Когда охотники приблизились, на славу потрудившиеся собаки понеслись наперегонки к дому, игриво взлаивая на бегу. Мужчины же привычно свернули к небольшому сараю.

Милли – жена Хью – всю жизнь провела на ферме и требовала, чтобы охотники сами ощипывали добычу. А потому все трое уселись на скамье, сколоченной специально для этой цели, и принялись за работу, лениво перебрасываясь фразами о том о сем.

Росс взял острые ножницы и начал отрезать фазану крылья: близко к тушке, как учил дядя, и складывая разные куски в отдельные пластиковые пакеты – для супа, для жаркого и в отходы.

Роб поднял отрезанную голову птицы и закричал, заставив брата рассмеяться. Росс ненадолго отвлекся и задел большим пальцем за обломок фазаньей кости.

– Черт, – выругался мужчина, заметив выступившую каплю крови.

– Ты же знаешь, надо быть внимательнее, – укоризненно заметил Хью.

– Да, да. Во всем виноват этот балбес.

Пока Росс свеживал фазана, их кровь смешалась.

Закончив работу, братья отмыли птичьи тушки в ледяной воде из колодца и понесли их в дом.

Женщины собрались на большой кухне. В воздухе витали ароматы выпечки. От очага исходило тепло.

Росс застыл, наслаждаясь этим зрелищем, идеально соответствующим понятию домашнего уюта. Затем сложил добычу на широкий стол, подхватил свою тридцатидевятилетнюю жену и закружил в объятиях, заставив ее рассмеяться.

– С возвращением, охотнички! – поприветствовала их Энджи, чмокнув мужа в щеку.

При виде груды тушек Милли одобритительно кивнула так, что собранные в пучок на голове рыжие кудри едва не рассыпались от энергичного жеста.

– Достаточно, чтобы зажарить на праздничный ужин, да еще и останется. Как насчет пирога с мясом птицы? Насколько помню, ты от него без ума, Робби.

– Пожалуй, нужно пойти подстрелить еще парочку фазанов, чтобы и остальным хватило, – ухмыльнулся в ответ мужчина, похлопав себя по животу, который нависал над ремнем.

– Раз ты собираешься выставить себя обжорой, придется нагрузить тебя работой, – заявила жена Роба Джейн, ткнув мужа пальцем в бок.

– Хорошая мысль, – согласилась Милли. – Хью, вытащите с ребятами длинный стол в большой зал и накройте скатертью к празднику. Той, что с кружевами. И поставьте нарядные подсвечники. А еще достаньте из кладовки дополнительные стулья.

– Только ты ведь все равно заставишь потом передвинуть, куда бы я их ни приткнул.

– Тем более лучше побыстрее приступить к работе, – рассеянно отозвалась Милли, не отрывая взгляда от фазанов и потирая руки. – Что же, дамы, давайте отправим наших мужчин и сами займемся делом.

Позже вся счастливая семья собралась за ужином, чтобы насладиться пиршеством: жареными фазанами, приправленными эстрагоном и шалфеем, начиненными апельсинами, яблоками и луком-шалотом; запеченным картофелем, томатами и морковью, а также горошком и ржаным хлебом из печи с фермерским маслом.

Последнюю трапезу года дополнили две бутылки дорогого шампанского, которое Росс с Энджи привезли из Нью-Йорка как раз на такой случай.

За окнами падал легкий пушистый снег, когда все начали прибираться и мыть посуду, сияя от предвкушения предстоящего праздника. Женщины принялись зажигать свечи и выставлять на стол приготовленную в течение двух дней еду, бутылки вина, виски и шампанского. Традиционные угощения, такие как ячменные булочки, хаггис⁴ и местные сыры, всегда подавали в канун Нового года.

Кое-кто из соседей и друзей явился еще до полуночи, чтобы посплетничать за едой и напитками, притопывая ногой в такт звукам волынки и скрипок. К тому времени, как старые часы на стене начали отбивать двенадцать, дом был наполнен музыкой, разговорами и приятной компанией.

⁴ Хаггис – шотландское блюдо, бараний рубец, начиненный потрохами со специями.

С последним ударом уходящий год умер, и собравшиеся гости приветствовали наступление нового года криками, поцелуями и тостами. Постепенно все голоса слились в песне «Старое доброе время»⁵.

Росс с теплом следил за происходящим, одной рукой прижимая к себе Энджи, а другую положив на плечо брату.

Когда отзвучала песня и все подняли бокалы, входная дверь широко распахнулась.

– Первый гость! – воскликнул кто-то.

Росс уставился в темный проем, ожидая появления одного из сыновей Фрейзера или Делроя Макгрудера. Все они были хорошо воспитанными темноволосыми юношами, как и требовала традиция. Первый, кто переступит порог в новом году, должен обладать этими качествами, чтобы принести удачу.

Но в дом проникли лишь несколько снежинок, порыв ветра и непроглядная темнота, такая бывает только в сельской местности.

Росс стоял ближе всех к двери, а потому подошел к выходу, выглянул наружу и шагнул на крыльцо. Пробежавший по спине мороз мужчина воспринял как следствие царящего на улице холода и странной, выжидающей тишины.

Сам воздух замер.

Показалось или на самом деле раздался шорох крыльев и протянулась длинная тень – чернильно-черная на фоне темноты?

Росс Маклеод вздрогнул и шагнул обратно в дом. Мужчина, которому не суждено было насладиться следующим праздничным ужином и поприветствовать следующий новый год, оказался первым, кто переступил порог.

– Наверное, неплотно закрыли дверь, – произнес он, спеша к камину, чтобы согреться.

Возле огня сидела пожилая женщина – прабабушка молодых Фрейзеров. Она куталась в теплую шаль. Рядом лежал костыль.

– Вам принести виски, миссис Фрейзер? – вежливо предложил Росс.

Собеседница неожиданно крепко схватила его за руку своими тонкими, в старческих пятнах пальцами. Темные глаза впились в лицо мужчины.

– Все уже забыли то, что было предсказано много лет назад, – проскрипела она.

– Что же?

– Щит будет разрушен, а завеса порвана с помощью крови Туат Де Дананн⁶. Грядут конец и беда, распри и ужас – начало и свет. Не думала, что доживу до этого времени.

Росс мягко и снисходительно потрепал ее по руке. Кое-кто говорил, что в миссис Фрейзер течет кровь фейри. Другие считали старуху выжившей из ума. Однако от ее слов по спине снова пробежал холодок, а волосы на затылке встали дыбом.

– И ты станешь всему причиной, дитя древних.

Ее глаза потемнели, а голос стал глухим, заставив Росса вздрогнуть от ужаса:

– Отныне между рождением и смертью времен воспрянут от долгого сна силы – как темные, так и светлые. И грянет кровавая схватка между ними. Но родится среди молний Избранный, коему подвластен будет меч. Но прежде немало выкопают могил, и твою – одной из первых. Война предстоит долгая, и закончится ли – никому то не ведомо. – На лице старухи промелькнуло сочувствие, и она шепотом завершила: – Но винить в том некого. И давно забытая магия снова благословит наш мир. Радость можно испытывать даже сквозь слезы.

Миссис Фрейзер немного помолчала, затем сжала руку Росса и добавила уже нормальным голосом:

– Спасибо за предложение, я с удовольствием выпью виски.

⁵ «Старое доброе время» – шотландская песня на стихи Роберта Бёрнса, написанная в 1788 году.

⁶ Туат Де Дананн – Народ богини Дану – четвертое из мифических племен, правивших Ирландией.

Испытывая дурное предчувствие, мужчина налил алкоголь собеседнице и себе, стараясь не принимать всерьез бессмыслицу, которую только что услышал.

Раздался громкий стук в дверь. Все присутствующие притихли в ожидании первого гостя в новом году. На пороге возник один из парней Фрейзера, которого приветствовали оглушительными аплодисментами. Он широко улыбнулся, шагнул внутрь и протянул хозяину дома буханку хлеба.

Хотя удачи это никому уже не принесло.

И все же к четырем утра, после того, как последний гость покинул ферму, Росс позабыл обо всех неприятных мыслях. Может, он слегка и перебрал с выпивкой, но, в конце концов, это был праздничный вечер, а теперь осталось лишь подняться на второй этаж и лечь спать.

Энджи устроилась под боком у мужа после того, как стерла макияж и нанесла крем, и тихо вздохнула.

– С Новым годом, милый, – пробормотала она.

– И тебя, – отозвался Росс, обнимая жену в темноте.

Затем он погрузился в сон об окровавленном фазане, который упал в центр каменного круга, о стае ворон с черными глазами-бусинами, которые взмыли в небо и затмили солнце. О волке, который завыл, призывая невыносимый холод и удушающую жару. Послышались всхлипы и рыдания, звон и стук, которые заставили время ускориться.

А потом наступила внезапная оглушительная тишина.

Росс проснулся после полудня с ужасной головной болью и тошнотой. Понимая, что заслужил похмелье, он все же заставил себя встать с кровати, побрел в ванную, нашел в аптечке упаковку аспирина. Проглотил четыре таблетки, запив двумя стаканами воды в тщетной попытке унять першение в горле. Затем принял горячий душ, а почувствовав себя немного лучше, оделся и спустился на кухню.

За столом уже собралась вся семья. Они весело беседовали, налегая на вареные яйца, бекон и ячменные лепешки с маслом и сыром. От запаха и вида еды желудок Росса сделал неприятный кульбит.

– Наконец-то ты проснулся! – с улыбкой поприветствовала мужа Энджи, но затем внимательно присмотрелась к его бледному лицу, склонила голову, откинула со лба прядь светлых волос и озабоченно добавила: – Ты неважно выглядишь, дорогой.

– И правда, Росс, ты какой-то помятый, – согласилась Милли, отодвигая стул от стола и вставая. – Садись, а я налью тебе отличное средство от похмелья.

– Имбирный эль живо вернет тебя в строй, – заверил Хью. – Мне всегда помогает.

– Мы все вчера слегка перебрали, – подмигнул Роб, делая глоток чая. – Я и сам чувствовал себя плохо, пока не поел.

– Пожалуй, от завтрака я откажусь, – пробормотал Росс, кивком поблагодарив Милли, которая протянула ему стакан имбирного эля, и осторожно попробовал напиток. – Лучше пойду прогуляюсь. Свежий воздух быстро приведет меня в чувство и напомнит, что я слишком стар для подобных кутежей.

– Эй, не надо приплетать сюда наш возраст, я лично еще хоть куда! – возмутился Роб и откусил от лепешки, хотя и сам выглядел бледным.

– Я всегда буду опережать тебя на четыре минуты.

– На три минуты и сорок пять секунд.

Росс натянул на ноги резиновые сапоги, накинул теплую куртку и повязал шарф, вспомнив о больном горле. Затем надел шапку, подхватил толстостенную кружку с горячим чаем, которую протянула Милли, и вышел на морозный воздух.

Прихлебывая крепкий, исходивший паром напиток, Росс зашагал по дороге. К нему подбежал черный лабрадор Бильбо и потрусил рядом. Похмелье – неприятная штука, но с ним

можно справиться. Не хотелось бы провести последние часы в Шотландии, размышляя о чрезмерном употреблении алкогольных напитков.

Никакое плохое самочувствие не в состоянии испортить бодрящую прогулку с верным псом по заливым лугам.

Спустя какое-то время Росс обнаружил, что вернулся к тому полю, где подстрелил фазана, и неуверенно приблизился к кругу камней, куда упала птица.

Чья это кровь виднеется на снежной корке, покрывающей жухлую траву? Разве бывает кровь черной?

Росс не хотел подходить ближе, не хотел смотреть. Он двинулся назад, но вдруг услышал шорох.

Пес глухо зарычал. Мужчина резко обернулся и уставился на трупы старых искривленных деревьев у самой кромки поля. Там кто-то двигался. Шелестел опавшими листьями.

«Наверняка просто олень, – ощутив легкий озноб, подумал Росс. – Либо лиса. Ну или путник заблудился».

Однако Бильбо не прекращал рычать, оскалив зубы и вздыбив шерсть на холке.

– Эй, кто там? – окликнул Росс, но услышал в ответ только тихое шуршание и пробормотал под нос, стараясь успокоить сам себя: – Ветер. Всего лишь ветер.

Однако понимал тем же чутьем, что и в детстве, что встретился с чем-то потусторонним. Обеспокоенный мужчина отступил на несколько шагов назад, не отрывая взгляда от деревьев. Затем позвал собаку:

– Идем, Бильбо. Возвращаемся домой.

Он медленно развернулся к зловещему каменному кругу спиной и поспешил прочь, чувствуя разливающуюся в груди тяжесть. Потом на мгновение оглянулся и заметил, что пес с вздыбленной шерстью застыл в прежней напружиненной позе.

– Бильбо! Ко мне! – Росс похлопал в ладоши, привлекая внимание лабрадора. – Идем!

Собака повернулась. На секунду ее глаза показались совершенно дикими. Затем животное встряхнуло головой, вывалило язык и послушно потрусил к хозяину.

Росс не сбавлял шага, пока не достиг края поля, а потом наклонился и слегка дрожащей рукой погладил пса.

– Что ж, приятель, похоже, мы оба с тобой первостатейные идиоты. Не будем никому об этом рассказывать, согласен?

К тому времени, как они добрались до фермы, головная боль почти прошла, а желудок успокоился достаточно, чтобы переварить чашку чая с тостом.

Уверенный, что недомогание осталось позади, Росс устроился на диване рядом с братьями, чтобы посмотреть по телевизору матч, периодически задремывая и проваливаясь в спокойный сон.

Отдых помог окончательно оправиться, так что суп на ужин, казалось, имел привкус победы. Они с Энджи отправились паковать вещи.

– Пожалуй, лягу сегодня пораньше, – сообщил Росс жене. – Чувствую себя измотанным.

– Я бы даже сказала... помятым. – Она прикоснулась к щеке мужа и взволнованно добавила: – Похоже, у тебя температура.

– Наверное, подхватил простуду.

Энджи коротко кивнула, отправилась в ванную и принялась шарить на полках. Затем вернулась со стаканом воды и двумя зелеными таблетками.

– Прими лекарство и отправляйся в постель. Это средство от простуды со снотворным эффектом, так что еще и отдохнешь как следует.

– Ты такая предусмотрительная. – Росс чмокнул жену и проглотил таблетки. – Скажи остальным, что я попрощаюсь с ними завтра.

– Ложись спать, я все передам. – Она накрыла мужа одеялом и поцеловала в лоб. – Все-таки горячий.

– С утра мне станет лучше, вот увидишь.

– Посмотрим, как ты сдержишь свое обещание.

* * *

На следующий день казалось, что предсказание сбылось, хотя из-за головной боли и поноса утверждать наверняка было невозможно. И все же Россу удалось проглотить плотный завтрак: кашу и крепкий черный кофе.

Получасовая прогулка и погрузка багажа помогли разогнать кровь. На прощание Росс обнял Милли и похлопал по плечу Хью.

– Приезжайте в Нью-Йорк весной.

– Может, так и поступим. Джейми сможет приглядеть за фермой несколько дней.

– Передавайте ему наши наилучшие пожелания.

– Обязательно. Он уже совсем скоро приедет и сам, но...

– ...Но нам пора на самолет, – закончил Роб, обнимая всех по очереди.

– Я буду скучать, – произнесла Милли, пока три женщины обменивались прощальными поцелуями. – Легкого полета.

– Приезжайте в гости! – повторила приглашение Энджи, забираясь в автомобиль. – До встречи! – Она помахала из окна, выезжая с фермы Маклеодов в последний раз.

* * *

Они вернули машину в прокат, заразив при этом менеджера по обслуживанию и человека, который арендовал автомобиль следующим. Затем инфекцию подхватил носильщик багажа из гостиницы, когда принимал чаевые. И к тому моменту, когда Маклеоды прошли таможенный контроль, вирус подцепили уже более двадцати человек.

К ним добавились посетители зала ожидания для пассажиров первого класса, которые обменивались впечатлениями о проведенном отдыхе и рукопожатиями.

– Нам пора, Джейн, – наконец вздохнул Росс, поднимаясь с места. Затем обнял брата и поцеловал в щеку Энджи. – Увидимся на следующей неделе.

– Держи меня в курсе по делу Колриджа, – попросил Росс.

– Обязательно! Перелет до Лондона совсем короткий. Если появится что-то интересное, ты узнаешь сразу после приземления в Нью-Йорке. А до тех пор лучше отдохни. Что-то ты совсем бледный.

– Да ты и сам как будто не в своей тарелке.

– Скоро взбодрюсь, – заверил Роб, подхватывая портфель одной рукой и салютуя близнецу другой. – Я всегда успешно противостою неприятностям, ты же знаешь!

Роб и Джейн Маклеод распространили вирус по Лондону, а по пути заразили пассажиров, которые направлялись в Париж, Рим, Франкфурт, Дублин и другие города. В аэропорту Хитроу инфекция, что станет известна как Приговор, перекинулась на тех, кто летел в Токио, Гонконг, Лос-Анджелес, Вашингтон и Москву.

Водитель такси, доставивший Маклеодов в отель, за ужином приговорил к смерти жену и четверых детей.

Девушка, которая поселила зараженных в отель, чувствовала себя невероятно счастливой. Еще бы, ведь вскоре ей предстоял недельный отпуск на Багамских островах. Приговор отправился вместе с ней.

Тем же вечером чета Маклеодов распространила смерть на остальных членов семьи, поужинав с сыном, снохой, племянником и его женой, а также добавила вирус к щедрым чаевым официанту.

Перед сном Роб пожаловался на саднящее горло, слабость и тошноту и, правильно приписав эти симптомы инфекции, которой заразился от брата, принял таблетку, а затем отправился в постель.

* * *

Во время перелета над Атлантическим океаном Росс попытался читать книгу, но не смог сосредоточиться и решил послушать музыку в надежде заснуть под нее. В соседнем кресле Энджи смотрела романтическую комедию, такую же легкую и бестолковую, как предложенное стюардессой шампанское.

На полпути Росс проснулся от приступа кашля, настолько тяжелого, что жена принялась хлопотать мужа по спине в надежде помочь.

– Может, воды? – неуверенно спросила Энджи.

Однако Росс отрицательно покачал головой, отстегнул ремень и направился в туалет, где тяжело оперся о раковину, закашлялся и сплюнул тягучую мокроту, которая, казалось, целиком заполнила с трудом работающие легкие. Несмотря на все усилия, кашель никак не желал униматься.

Сплюнув ком слизи и исторгнув остатки завтрака, Росс внезапно вспомнил отрывок из фильма «Феррис Бьюллер берет выходной», где главный герой рассуждал о том, возможно ли выкашлять легкие. Затем почувствовал резкий спазм в животе и едва успел стянуть штаны, нависая над унитазом. Ощущая, как разрывается кишечный тракт, обессиленный и вспотевший мужчина оперся рукой о стену и закрыл глаза, облегчая желудок.

Когда спазм и головокружение прошли, Росс едва не разрыдался от радости. С трудом двигаясь, он убрал за собой, прополоскал рот и умылся, сразу почувствовав себя лучше. Затем внимательно рассмотрел собственное отражение. Глаза лихорадочно поблескивали, но в остальном лицо в зеркале выглядело чуть бодрее, чем раньше. Похоже, желудочное расстройство осталось позади.

Покинув тесное помещение, Росс тут же поймал на себе обеспокоенный взгляд старшего бортпроводника.

– У вас все в порядке, мистер Маклеод?

– Думаю, да. – Скрыв смущение подмигиванием, Росс пошутил: – Переел хаггис.

Собеседница натянуто улыбнулась, не подозревая, что будет чувствовать себя не менее больной, чем пассажир, всего через семьдесят два часа.

Росс вернулся на место.

– Как ты себя чувствуешь, дорогой? – спросила Энджи.

– Уже лучше. Как мне кажется.

– Цвет лица почти пришел в норму, – после пристального изучения констатировала жена. – Может, выпьешь чая?

– Пожалуй.

Росс сделал несколько глотков крепкого напитка и ощутил легкий аппетит, так что подкрепил силы рисом с курицей. Однако за час до приземления снова испытал приступ кашля, рвоты и диареи. И все же они были менее мучительными, чем раньше. Похоже, недомогание шло на убыль.

С помощью жены Росс прошел таможенную и паспортный контроль, а потом Маклеоды забрали багаж и направились к ожидавшей их машине.

– Добро пожаловать домой, мистер Мак! Давайте я помогу погрузить чемоданы, – предложил таксист.

– Спасибо, Амид.

– Как прошло путешествие?

– Замечательно, – ответила Энджи, пока автомобиль лавировал в плотном потоке покидавших аэропорт Кеннеди. – Однако Росс приболел по пути сюда.

– Как обидно! Постараюсь доставить вас домой как можно быстрее.

Для ослабевшего мужчины вся поездка слилась в одно расплывчатое пятно: путь от самолета до машины, погрузка багажа, пробка возле аэропорта, прибытие в Бруклин и возвращение в милый дом, где они с женой вырастили двоих детей.

Росс снова положился на помощь Энджи, предоставив ей улаживать все вопросы с оплатой, а потом с благодарностью ощутил теплую руку на талии, когда взбирался по ступеням крыльца.

– Немедленно в постель!

– Даже не собираюсь спорить, но хочу сначала принять душ. Чувствую себя... В общем, душ важнее.

Жена помогла Россу раздеться. Он снова испытал прилив благодарности и прижался щекой к груди Энджи.

– Что бы я без тебя делал?

– Даже не вздумай попытаться это выяснить!

Душ показался истинным раем и заставил Росса почувствовать, что худшее осталось позади. А когда он подошел к расстеленной кровати и заметил на тумбочке бутылку воды, стакан имбирного эля и поставленный на зарядку телефон, то ощутил такой прилив нежности к жене, что на глазах выступили слезы.

– Выпей чего-нибудь, чтобы не было обезвоживания, – велела Энджи, задергивая шторы на окнах. – И если утром не станет лучше, то вызовем врача, понял?

– Уже гораздо легче, – заявил Росс, но без возражений осушил стакан имбирного эля, прежде чем со вздохом облегчения забраться под одеяло.

– Да у тебя жар! – воскликнула жена, положив ладонь на лоб больному. – Сейчас принесу градусник.

– Смерю температуру позднее, – помотал головой Росс. – Сначала дай мне хотя бы пару часов поспать.

– Если что, я буду в гостиной.

– Просто нужно немного отдохнуть, – пробормотал мужчина, закрывая глаза.

Энджи спустилась на кухню, достала курицу из морозилки и подставила под струю воды, чтобы мясо быстрее оттаяло. Наваристый бульон послужит спасением от всех болезней! Тем более что женщина и сама уже выпила тайком от мужа пару таблеток, почувствовав недомогание: горло разболелось, навалилась усталость.

Однако Энджи ничего не сказала Россу, не желая его беспокоить. К тому же она всегда была крепче и наверняка успела справиться с заболеванием на ранней стадии.

Во время подготовки женщина набрала номер дочери, Кэти, и поставила телефон на громкую связь, а потом принялась наливать себе чай.

– Привет! Папа далеко? Хотела с ним поздороваться.

– Он спит. Подхватил какую-то заразу на Новый год.

– Да ты что!

– Не переживай. Я готовлю куриный бульон, так что твой отец будет здоров к субботе, когда мы приедем к вам на ужин. Мы оба ужасно соскучились по вам с Тони. А еще я нашла потрясающие костюмчики для будущих внуков. Сама увидишь, какая прелесть! Ну, до ско-

рого! – Говорить было ужасно тяжело из-за саднящего горла. – Увидимся через пару дней. Главное, к нам не приезжайте, серьезно. Иначе отец может тебя заразить.

– Передай ему пожелания поправиться и попроси позвонить мне, когда проснется.

– Непременно! Люблю тебя, малышка!

– И я тебя.

Энджи включила телевизор, чтобы разогнать тишину, а потом решила, что бокал вина принесет больше пользы, чем чай. Заглянув на секунду в спальню и убедившись, что муж спокойно спит, она вернулась на кухню и принялась чистить картошку с морковью, нарезать сельдерей.

Женщина сосредоточилась на готовке, позволив себе погрузиться в легкомысленное щебетание ведущих телепередачи и старательно отгоняя мысли об усиливающейся головной боли.

Если жар спадет и Россу станет лучше, можно переместить его в общую спальню. А потом Энджи сама ляжет, так как тоже чувствует себя неважно, и они оба будут есть бульон и смотреть телевизор.

Она двигалась практически на автомате, доставая курицу, нарезаая мясо, выбрасывая кости, добавляя овощи, зелень и приправы. Затем убавила огонь, поднялась в спальню и снова проверила состояние мужа. Не желая беспокоить его, но и не решаясь уйти далеко, Энджи устроилась в прежней комнате дочери, где теперь останавливались приезжавшие в гости внуки. Но почти сразу была вынуждена воспользоваться туалетом, чтобы извергнуть остатки пасты, которую ела в самолете.

– Боже, Росс, чем ты меня заразил? – Энджи достала градусник, включила и поднесла к уху. После сигнала взглянула на экран и недовольно нахмурилась: сто один и три⁷. – Ну все, теперь точно: постельный режим и куриный бульон обоим.

Пока же Энджи выпила жаропонижающую таблетку, спустилась на кухню и налила себе стакан имбирного эля со льдом. Потом тихо пробралась в спальню и достала из шкафа кофту, фланелевые штаны и теплые носки, чувствуя озноб. Вернулась в гостевую комнату, переоделась, легла на кровать, натянула собственноручно связанный плед, который лежал в ногах, и почти сразу провалилась в сон.

Хотя это было больше похоже на кошмар: темные вспышки молнии, черные птицы и река, которая пузырилась красным.

Энджи резко проснулась. Голова раскалывалась от боли, а горло похало огнем. Показалось или из соседней комнаты действительно донесся крик? Пытаясь выбраться из-под пледа, женщина отчетливо различила звук падения.

– Росс! – От резкого подъема перед глазами поплыли пятна.

Она тихо выругалась, поспешила в соседнюю спальню и вскрикнула, увидев мужа, который скорчился на полу в конвульсиях. Рядом лужей растеклись жидкие фекалии и рвота. И там, и там можно было разглядеть кровь.

– Боже, боже. – Энджи бросилась к Россу и попыталась перевернуть его на бок – так ведь полагается поступать в подобных ситуациях? Она не была в этом уверена. Затем схватила телефон и набрала номер экстренной помощи. – Срочно нужна «Скорая»! Боже! – Энджи с трудом выдавила адрес. – Мой муж! У него судороги! А еще сильный жар. И рвет кровью.

– Помощь уже в пути.

– Пожалуйста, поторопитесь!

⁷ Электронные термометры в США часто эксплуатируют именно так. 101,3 градуса по Фаренгейту = 38,5 °C.

Глава 2

Джонас Ворайс, тридцатитрехлетний врач «Скорой помощи», почувствовал запах супа и выключил плиту, после чего они с напарницей Патти Энн вывезли Маклеода на каталке и погрузили его в машину.

Джонас остался с пациентом, пытаясь стабилизировать его состояние под присмотром напуганной жены, в то время как напарница запрыгнула на водительское сиденье и включила сирену. Миссис Маклеод держалась достойно: не плакала, не кричала. Лишь пристально вглядывалась в лицо мужа, словно хотела привести его в чувство усилием воли.

Однако Джонас мог распознать смерть. А иногда – почувствовать ее приближение, хотя и старался отогнать непрощенные способности, которые мешали работать, старался предотвратить страшное понимание. Например, однажды он ощутил, что мимолетно задевший его на улице парень болен раком. А в другой раз почувствовал, что пробежавший мимо ребенок вскоре упадет с велосипеда и заработает трещину на правом запястье.

В каких-то случаях на Джонаса также обрушивалось *знание* имени, возраста и места проживания прохожего. Одно время это даже превратилось в некое подобие игры, но оказалось слишком страшным, чтобы продолжать.

В случае с Маклеодом приближение смерти ощущалось так ясно, что Джонас не успел загородиться от знания. Но, что еще хуже, оно сопровождалось чем-то новым. *Видением*. К моменту прибытия медиков судороги прекратились, но от прикосновения к пациенту перед глазами Джонаса вспыхнули картины того, как больной упал с кровати, кашляя и призывая на помощь, прежде чем забиться в конвульсиях. Того, как миссис Маклеод вбежала в комнату и громко вскрикнула. Эти образы проносились, словно фильм на большом экране.

Новая способность Джонасу вовсе не понравилась.

Когда «Скорая» подъехала к больнице, он сделал все возможное, чтобы отгородиться от нежеланных видений и помочь спасти жизнь пациенту, хоть и *знал*, что того отделяют от смерти лишь минуты.

Медик торопливо перечислял жизненные показатели, симптомы и предпринятые меры, сопровождая доктора Рейчел Хопман, в которую уже давно был влюблен. Медсестры чуть ли не бегом везли каталку с пациентом к приемному покою.

Джонас остался снаружи перед двойными дверями и удержал миссис Маклеод, которая хотела последовать за мужем. Прикосновение к ней открыло страшную истину: женщина тоже скоро умрет.

– Росс, – прошептала она и снова попыталась пройти за двери.

– Миссис Маклеод, вам туда нельзя. Доктор Хопман – лучший специалист здесь. Она позаботится о вашем муже.

«И о вас, – подумал Джонас. – Уже совсем скоро. Но даже ее усилий окажется недостаточно».

– Росс, я должна...

– Присядьте. Подождите здесь. Принести вам кофе?

– Я... Нет... – Она прижала ладонь ко лбу. – Нет, спасибо. Что случилось с моим мужем? Что с ним такое?

– Доктор Хопман обязательно это выяснит. Может, вы хотите, чтобы я кому-то сообщил о мистере Маклеоде?

– Наш сын пока в Лондоне и прилетит только через несколько дней. Разве что дочери... Вот только она беременна. Ждет близнецов. Врачи запретили ее тревожить. А от такого известия она точно встревожится. Моя подруга Марджори...

– Мне позвонить ей?

– Я... – Женщина перевела взгляд на сумочку, которую судорожно сжимала в руках, видимо, даже не помня, как схватила ее вместе с пальто. – У меня есть телефон.

Миссис Маклеод вытащила аппарат и застыла, глядя на него пустыми глазами.

Джонас подошел к одной из медсестер.

– Пожалуйста, присмотрите за ней. – Он махнул в сторону потрясенной жены пациента. – Мы только что доставили ее мужа, он в критическом состоянии. И, кажется, она сама тоже больна.

– В больнице полным-полно больных, Джонас.

– Да, но у миссис Маклеод высокая температура. Правда, не представляю, насколько высокая. – На самом деле он знал точно: сто один и три, и на этом не прекратит подниматься. – И она порывается войти в служебное помещение. А мне надо возвращаться на смену.

– Хорошо, хорошо, я за ней присмотрю. Насколько с ее мужем все плохо? – спросила медсестра, указывая подбородком в сторону приемного покоя.

Джонас помимо воли заглянул внутрь и увидел, как прекрасная девушка, которую он никак не решался позвать на свидание, посмотрела на часы, объявляя время смерти.

– Очень плохо, – только и ответил он, а затем сбежал до того, как Рейчел вышла в зал ожидания, чтобы сообщить миссис Маклеод о кончине мужа.

* * *

В это время на другой стороне Ист-Ривер, в небольшой квартирке, расположенной в Челси, Лана Бингем громко кричала от головокружительного, яркого оргазма. Крик вскоре перешел в стон, а стон – в тихий судорожный вздох. Затем девушка разжала пальцы, которыми комкала простыню, и обвила руками шею Макса. Он как раз тоже достиг высшей точки наслаждения.

Лана издала долгий удовлетворенный вздох, ощущая вес тела любовника и бешеный ритм его сердца, потом медленно, лениво пригладила его темные волосы. Скоро нужно будет их постричь, но она так любила наматывать кончики отросших прядей на пальцы...

Прошло уже полгода с тех пор, как они с Максом приняли решение жить вместе, а все становится только лучше.

В наступившей тишине Лана закрыла глаза и снова довольно вздохнула.

А затем резко вскрикнула, когда вспышка чего-то необузданного и прекрасного пронзила тело, пронеслась сквозь нее, через нее, накрыв с головой. Что-то сильнее, чем оргазм, глубже и великолепнее, с дикими нотками удовольствия и страха. Что-то, что нельзя было описать словами. Словно взрыв, удар молнии или огненная стрела попала в самое сердце Ланы, заставляя почувствовать, как воспламенилась кровь.

Девушка ощутила, как напряглось тело лежащего сверху Макса, как затвердело внутри нее его естество. Затем воцарилась тишина, все успокоилось и сгладилось до легких кругов перед глазами, но вскоре пропали и они.

– Что это было? – наконец спросил замерший Макс, приподнимаясь на локтях и глядя на Лану в мерцании десятка свечей.

– Не знаю, – отозвалась она, испустив долгий выдох и до сих пор чувствуя головокружение. – Самый сильный в мире посткоитальный толчок?

– Думаю, нужно купить еще бутылку того вина, что мы пили, – рассмеялся Макс и склонился над Ланой, чтобы поцеловать ее.

– Ого, я чувствую себя великолепно! – с удивлением сообщила она, потягиваясь и водя руками вверх и вниз.

– И выглядишь так же. Моя прекрасная ведьмочка.

Эти слова заставили Лану рассмеяться. Она знала так же хорошо, как и возлюбленный, что является в лучшем случае дилетанткой. И была вполне довольна этим статусом, наблюдая за ритуалами и время от времени пробуя читать безобидные заклинания.

После встречи с Максом Фэллоном на фестивале зимнего солнцестояния и быстрого развития их отношений – они признались друг другу в любви еще до Остары⁸ – Лана пыталась более серьезно практиковать колдовство, но в ней попросту отсутствовала необходимая искра таланта. Да у многих ли она имелась?

Большинство, вернее, почти все встреченные на тематических мероприятиях, обрядах, празднествах, тоже являлись любителями, дилетантами, новичками. Остальные же были полностью заиклены на заклинаниях. А некоторые и вовсе казались сумасшедшими.

Если бы хоть кто-то из них действительно обрел силы, они стали бы просто-напросто опасными.

Но Макс был исключением, о да!

В нем горела та самая искра. Даже свечи, что сейчас таинственно мерцали, он зажег одним мановением руки. А еще он умел двигать предметы силой мысли, если удавалось достичь нужной концентрации. Однажды Макс переместил по воздуху чашку кофе через всю кухню, приведя Лану в восторг.

Невероятно!

И этот человек любит ее! Это чудо значило больше, чем любое другое.

Вот и сейчас Макс поцеловал ее, прыгнул на пол и поднял одну из незажженных свечей.

Лана закатила глаза и издала преувеличенно страдальческий стон.

– У тебя всегда получается лучше, когда удастся расслабиться, – заявил возлюбленный, медленно обводя взглядом ее обнаженное тело. – Сейчас ты кажешься вполне расслабленной.

Она лежала на спине, закинув руки за голову. Длинные волосы цвета жженого сахара разметались по всей подушке. Полные губы растянулись в улыбке.

– Если бы я еще немного расслабилась, то впала бы в кому.

– Значит, самое время предпринять еще одну попытку. – Макс взял руку Ланы и нежно поцеловал пальцы. – Сосредоточься на внутреннем свете.

Она очень хотела проявить способности, которые он в ней разглядел. И, желая его порадовать, села на кровати и откинула назад волосы.

– Хорошо, я постараюсь.

Лана зажмурилась, выровняла дыхание и попыталась воззвать к внутреннему свету, как учил Макс. Вскоре она, к собственному удивлению, ощутила, как что-то внутри нее откликается, и тут же изумленно распахнула глаза и резко выдохнула.

Фитиль свечи загорелся.

Лана пораженно уставилась на свечу.

– У тебя получилось! – с гордостью воскликнул Макс, радостно улыбаясь.

– Но... Я даже не... – Раньше девушка могла зажечь огонь только после нескольких минут предельной концентрации. – Я даже еще не успела подготовиться... Это ты мне помог? – Она ткнула Макса пальцем в грудь, испытав облегчение от этого логичного объяснения. – Пытался подогреть мою уверенность в собственных способностях, а?

– Нет, это был не я. – Он положил ладонь на голое колено Ланы. – Я бы никогда так не поступил. Я всегда честен с тобой. Это лишь твоя заслуга.

– Но... Ты на самом деле не помогал? Не одалживал свои силы, например?

– Нет. Все сделала ты сама. Попробуй еще раз. – Макс задул свечу и вложил ее в ладони девушки.

⁸ Остара – древнеанглийский праздник весеннего равноденствия, посвященный богине Эостре. Один из праздников Колеса года в современной природной неоязыческой религии викке.

Начав слегка нервничать, она закрыла глаза – в основном для того, чтобы успокоиться. Но когда подумала о том, чтобы зажечь свечу, то почувствовала, как в душе что-то откликается. И стоило представить пламя, как оно тут же вспыхнуло.

– О боже! – В ее удивленно расширенных синих глазах отражался огонек. – У меня действительно получилось!

– Что ты ощутила?

– Это было... словно что-то внутри меня раскрылось и потянулось наружу, распространяясь по всему телу. Не могу описать. Но, Макс, это чувство казалось таким естественным. Не как вспышка или взрыв. А скорее как дыхание. А еще мне до сих пор немного страшно. Давай пока никому больше об этом не скажем, хорошо?

Лана посмотрела на возлюбленного поверх горящей свечи и заметила гордость и любопытство на его привлекательном, одухотворенном лице с резко очерченными скулами и дневной щетиной. Эти же эмоции отражались и в серых глазах, блестящих в свете огня.

– Не пиши и никому не говори об этом, хотя бы пока не убедимся, что это не было простым всплеском способностей, – еще раз попросила она.

– В тебе проснулась магия, Лана. Я увидел этот потенциал в нашу первую встречу. Еще до того, как полюбил тебя. Но если ты желаешь пока сохранить хорошую новость в секрете, то так и поступим.

– Отлично. – Девушка поднялась на ноги и отнесла свою свечу к тому десятку, что зажег Макс. Это казалось важным символом их единства. Затем обернулась, окутанная нимбом мерцающих за спиной огоньков. – Я люблю тебя. Ты мой внутренний свет.

– Не представляю свою жизнь без тебя, – отозвался парень, грациозно, как кот, поднимаясь навстречу и прижимая Лану к себе. – Хочешь еще вина?

– Это эвфемизм? – Она немного откинула голову, чтобы заглянуть Макс в глаза.

– Я подумал, что неплохо бы выпить и заказать поесть, – рассмеялся он, целуя возлюбленную. – Лично я проголодался. А потом посмотрим, может, воплотим в жизнь и эвфемизм.

– Я целиком поддерживаю идею. Могу что-нибудь приготовить.

– Определенно можешь. Но ты и так провела весь день на кухне. А сейчас у тебя выходной. Мы собирались пойти поужинать в кафе, помнишь?

– Я бы предпочла остаться дома. С тобой, – отозвалась Лана и поняла, что предпочла бы это всему на свете.

– Замечательно. Что бы ты хотела попробовать?

– Выбери сам, – ответила она, подбирая с пола черные штаны, футболку и униформу сушефа⁹, которые снял с нее Макс, когда девушка вернулась домой из ресторана. – Я отработала две двойные смены на этой неделе. Так что обрадуюсь чему угодно, приготовленному кем-то другим.

– Понял. – Парень натянул джинсы и темный свитер, который носил в качестве рабочей одежды, то есть облачался в них, чтобы отправиться писать книгу в отдельной комнате. – Я открою бутылку вина, а остальное станет для тебя сюрпризом.

– Я скоро приду, – пообещала Лана, направляясь к шкафу.

Когда она переехала к Макс, то пыталась ограничиться половиной пространства на полках, но... любовь, вернее, страсть к одежде победила. Вынужденная проводить основную часть времени в черно-белой униформе, девушка поддавалась слабости выглядеть модно хотя бы вне работы.

«Даже что-то повседневное, – подумала она, – может быть красивым и немного романтическим. И прекрасно подойдет для ужина дома».

⁹ Су-шеф – второй по иерархии на кухне, помощник шеф-повара.

Так что Лана выбрала темно-синее с красным узором платье, подол которого опускался чуть ниже колен. А еще приготовила любимому собственный сюрприз: сексуальное кружевное белье. Одевшись, девушка внимательно изучила свое отражение в зеркале. Приглушенный свет от свечей определенно красил ее, но... Она прикоснулась к лицу, накладывая легкие чары улучшения внешности, которые освоила еще подростком, а потом задумалась, не основывалась ли та искра таланта больше на тщеславии, чем на настоящих способностях.

Но это не имело значения. Лане не казалось чем-то постыдным быть или чувствовать себя скорее симпатичной, чем могущественной. Особенно теперь, когда ее силы привлекли внимание такого парня, как Макс.

Она направилась к двери, но вспомнила, что зажженные свечи не следует оставлять без присмотра, и вернулась, чтобы потушить их. Однако внезапно застыла на месте, размышляя: если удалось заставить огонь вспыхнуть, то получится и погасить его, так?

– Это всего лишь обратное действие. – Произнесла слова вслух, Лана указала на одну из свечей, намереваясь лишь подойти ближе и попытаться осуществить задуманное. И тут огонек погас. – Ого!

Девушка уже собиралась позвать Макса, но сообразила, что тот наверняка увлечется практикой и тогда они не смогут спокойно поужинать, как собирались.

Так что Лана просто потушила силой мысли свечу за свечой, погрузив комнату в темноту, хотя и не представляла, откуда взялись новые способности или каким образом проснулась та магия, о которой говорил Макс. Она решила подумать об этом когда-нибудь после.

Вино привлекало ее больше.

* * *

Пока Лана с Максом наслаждались ужином, Кэти Маклеод Парсоны торопилась в больницу в Бруклине.

Девушка пока не разразилась слезами только потому, что не верила, вернее, отказывалась верить, что отец умер, а мать заболела так серьезно, что оказалась в реанимации.

Прижав ладонь к огромному животу и чувствуя руку мужа на спине там, где раньше находилась талия, Кэти едва не бежала, вглядываясь в указатели, к лифту до отделения интенсивной терапии.

– Это все какая-то ошибка. Я разговаривала с мамой по телефону всего несколько часов назад. Папа плохо себя чувствовал, подхватил простуду, и она готовила для него бульон.

Кэти повторяла одно и то же снова и снова, пока они с мужем Тони ехали в больницу. Тот же мог лишь держать жену за руку и говорить, что все будет хорошо, потому что больше ничего не получалось придумать.

Однако, когда они наконец добрались до приемного отделения, Кэти не сумела выдать ни слова и беспомощно посмотрела на Тони.

– Нам сообщили, что к вам поступила Энджи – Энджела Маклеод. Это ее дочь, моя жена.

– Мне нужно увидеть маму. Пустите меня к ней. – Сочувствие в глазах дежурной медсестры заставило сердце Кэти сжаться от ужаса. – Я должна поговорить с доктором Хопман. Она сказала... – Повторить кошмарные слова уже не получилось.

– Вашу мать лечит доктор Герсон...

– Я не хочу никакого доктора Герсона! Дайте мне увидеться с матерью. Или поговорить с доктором Хопман.

– Ну же, Кэти, попробуй успокоиться. Тебе нельзя нервничать. Подумай о детях.

– Я попробую связаться с доктором Хопман, – заверила медсестра и направилась к стойке регистрации. – Вам лучше присесть, пока ждете. Какой срок беременности?

– Двадцать девять недель и четыре дня, – ответил вместо жены Тони.

– Ты тоже считал дни? – выдавила Кэти, которая уже начала всхлипывать.

– Конечно же я считал, любимая. Конечно же. Мы ждем близнецов. – Последняя фраза предназначалась медсестре.

– Вас ждет настоящее веселье, – улыбнулась та, но тут же посерьезнела и повернулась к телефону.

Рейчел ответила на вызов, как только смогла, и быстро оценила ситуацию, увидев родственников четы Маклеод. Скоро придется успокаивать беременную женщину. И все же она порадовалась, что успела раньше доктора Герсона. Он был замечательным терапевтом, но иногда проявлял резкость, граничащую с грубостью.

Медсестра за стойкой регистрации кивнула Рейчел. Она внутренне собралась и решительно подошла к паре.

– Я доктор Хопман. Сочувствую насчет вашего отца.

– Это какая-то ошибка.

– Вы Кэти?

– Да. Кэти Маклеод Парсони.

– Кэти, – произнесла Рейчел, усаживаясь рядом. – Мы сделали все возможное. Как и ваша мать. Она вызвала «Скорую помощь», и вашего отца доставили к нам. Но он был слишком болен.

– Он всего лишь простудился. – Глаза Кэти, такого же темно-зеленого оттенка, как у матери, умоляюще смотрели на Рейчел. – Или подхватил пищевое отравление. Мама готовила ему куриный бульон.

– Миссис Маклеод сумела предоставить нам некоторую информацию. Ваши родители отдыхали в Шотландии? Вы ездили с ними?

– Мне был предписан постельный режим.

– Из-за близнецов, – пояснил Тони. – Срок двадцать девять недель и четыре дня.

– Вы можете рассказать подробнее, в каком именно городе они отдыхали?

– В Дамфрисе. А какое это имеет значение? Почему вы не позволяете мне увидеться с матерью? Где она?

– Ее изолировали.

– Почему?

– Просто мера предосторожности. – Рейчел нервно заерзала, но постаралась, чтобы взгляд казался таким же спокойным, как и голос. – Если ваши родители контактировали с инфицированным или заразились друг от друга, мы обязаны сдержать дальнейшее распространение. Вы можете пройти к матери, но будьте готовы: она очень больна. Потребуется надеть защитный костюм, перчатки и маску.

– Мне все равно, только позвольте увидеться с мамой.

– К ней нельзя прикасаться, – предупредила Рейчел. – И посещение не дольше чем на пару минут.

– Я пойду с женой.

– Хорошо. Но сначала расскажите все про отдых ваших родных в Шотландии. Миссис Маклеод говорила, что они вернулись сегодня и гостили там почти с самого Рождества. Вы не в курсе, испытывал ли ваш отец недомогание до отъезда туда?

– Нет, он был совершенно здоров. Мы вместе праздновали Рождество. Мы каждый год проводим каникулы на ферме. Обычно мы путешествуем всей семьей, но на этот раз я не смогла поехать из-за беременности.

– Вы разговаривали с отцом, пока они гостили в Шотландии?

– Конечно. Почти каждый день. Уверяю вас, родители были здоровы. Можете спросить дядю Роба, брата-близнеца отца. Они все отдыхали на ферме и чувствовали себя хорошо. Он подтвердит мои слова. Он сейчас в Лондоне.

– Можете дать его номер телефона?

– Я продиктую и предоставлю всю нужную информацию. – Тони взял жену под руку. – Но разрешите Кэти повидаться с матерью.

После того как родные Маклеодов облачились в защитные костюмы, Рейчел еще раз предупредила:

– Ваша мать сейчас обезвожена и страдает от высокого жара, но мы пытаемся справиться с симптомами. – Она остановилась перед палатой, отгороженной стеклянными панелями, и сочувственно посмотрела на худощавую девушку с каштановыми кудрями, сейчас убранными под пластиковую шапочку, и заплаканными зелеными глазами, однако постаралась говорить деловым тоном: – Она находится в изоляции, чтобы предотвратить распространение инфекции.

Через стекло и занавеску Кэти видела узкую больничную койку, а на ней – женщину, которая казалась лишь тенью матери.

– Я же совсем недавно с ней разговаривала, – прошептала девушка, сжала руку Тони и вошла в палату.

Мониторы жужжали. По экрану бежала зеленая линия, то взмывая вверх, то опускаясь. Вентилятор гудел, как рой ос. И за всем этим шумом с трудом удавалось различить прерывистое дыхание матери.

– Мама, – прошептала Кэти, но Энджи даже не пошевелилась. – Ей вкололи снотворное?

– Нет.

– Мама, это я, Кэти, – девушка снова попыталась привлечь внимание больной.

В этот раз та заворочалась и слабо простонала:

– Так устала, так устала. Сделай суп. А еще позвони и скажи, что я заболела. Мамуля, достань мое любимое одеялко. И можно не ходить сегодня в школу?

– Это я, Кэти.

– Кэти, Кэти. – Энджи заметалась на кровати, дергая головой влево-вправо. – Мама велит тебе запереть дверь. Да как следует, на засов! – Женщина широко распахнула лихорадочно блестящие глаза и заскользила взглядом по помещению. – Не впускай их. Ты слышишь, как они шуршат в кустах? Кэти, закрой дверь!

– Не волнуйся, мамочка, только не волнуйся!

– Ты видишь ворон? Целая стая кружит над нами. – Горячий взгляд наткнулся на Кэти, и в нем отразилось узнавание.

– Доченька моя.

– Я здесь, мама, я здесь, с тобой.

– Мы с твоим отцом плохо себя чувствуем. Но ничего, останемся в постелях и будем смотреть телевизор и есть куриный бульон.

– Отличный план. – От подступающих слез Кэти едва могла говорить, но протолкнула слова сквозь ком в горле: – Вы скоро поправитесь. Я вас очень люблю.

– Когда будем переходить улицу, держи меня за руку. И очень важно посмотреть и направо, и налево.

– Я знаю.

– Ты это слышала? – Тяжело дыша, Энджи понизила голос: – Кто-то шевелится в кустах. Кто-то наблюдает за нами.

– Там ничего нет, мам.

– Нет есть! Я люблю тебя, Кэти. И тебя, Иен. Мои малыши.

– Я тоже тебя люблю, мама, – пробормотал Тони, понимая, что теща приняла его за сына. А потом повторил уже от себя: – Я очень тебя люблю.

– Устроим пикник в парке? Но нет... Надвигается гроза. И они явятся вместе с ней. Красные молнии, ожоги и кровь. Спасайтесь! – Энджи приподнялась на локтях. – Бегите!

Затем она разразилась отчаянным кашлем, разбрызгивая слюну и комки слизи по занавеске.

– Срочно в реанимацию! – приказала Рейчел, нажимая на кнопку вызова медсестры.

– Нет! Мама!

Невзирая на протесты, Тони вывел жену из палаты.

– Мне очень жаль, но ты должна позволить врачам помочь Энджи. Идем. – Трясущимися руками он снял с Кэти защитный халат. – Нужно оставить все это здесь, помнишь?

Затем стянул собственный и выбросил в специальный контейнер вместе с перчатками. В это время в палату ворвалась медсестра и принялась суетиться вокруг больной.

– Пожалуйста, присядь, Кэти.

– Что с мамой такое? Она разговаривала как сумасшедшая.

– Должно быть, бредила из-за высокой температуры. – Тони мягко направил жену к креслам, ощутив, как она дрожит. – Врачи обязательно собьют жар.

– Отец умер. Но я не могу об этом думать. Нужно сосредоточиться на выздоровлении мамы, но...

– Все правильно. – Он обнял Кэти одной рукой, а другой прижал ее голову к своему плечу и принялся поглаживать по кудрям. – Нужно думать об Энджи. Иен приедет в больницу, как только сможет. Наверное, он уже на пути сюда. И мы должны будем поддержать его, особенно если Эбби с детьми не смогут прилететь с ним. Не факт, что в самолете найдется достаточно мест во время праздников.

«Просто продолжай говорить, – подумал Тони, – отвлекая Кэти от того, что недавно произошло в той ужасной палате».

– Помнишь, он написал сообщение, что удалось забронировать вертолет до Дублина? Оттуда есть прямой самолет. А Эбби с детьми пытаются вылететь из Лондона.

– Она приняла тебя за Иена. Ты должен знать, что она любит и тебя, Тони.

– Я знаю. Конечно же, знаю. Все в порядке.

– Прости.

– Да ты что, прекрати.

– Нет, я имею в виду: прости, у меня начались схватки.

– Подожди, что? И давно?

– Не знаю, они пока слабые, но все равно... А еще я чувствую...

Когда жена покачнулась в кресле, Тони успел ее подхватить и помог подняться на ноги, поддерживая и ее, и неродившихся малышей, чувствуя, что мир перевернулся. А потом громко позвал медсестру.

Кэти поместили в палату, и после часа мучений схватки прекратились. Это испытание, последовавшее за кошмарными новостями, осмотром и неудобной больничной койкой, выматало супругов до предела.

– Давай составим список того, что нужно забрать из дома, и я быстро все привезу. Обещаю, я останусь с тобой на ночь.

– Мне сложно мыслить здраво. – Несмотря на усталость, Кэти не могла сомкнуть глаз.

– Я обо всем позабочусь, – заверил ее Тони, взяв за руку и покрывая поцелуями. – А ты делай то, что велел доктор. Отдыхай.

– Я все понимаю, но... Пожалуйста, у меня есть одна просьба. Можешь сходить к маме и проверить, как у нее дела? Не думаю, что сумею заснуть, пока не буду знать, что с ней все в порядке.

– Хорошо, но не пытайся вставать и разгуливать по палате, пока меня нет.

– Торжественно клянусь, – выдавила Кэти кривую улыбку.

– Вы тоже, ребята, пока подождите. – Тони встал, наклонился и поцеловал живот жены, а потом прокомментировал, закатив глаза: – Дети. Всегда куда-то торопятся.

Выйдя из палаты, он на секунду прислонился спиной к двери, сражаясь с настойчивой потребностью разреветься. В их паре Кэти была сильной и стойкой. Но сейчас и он обязан стать таким. Так что он взял себя в руки, пробрался по лабиринту коридоров родильного отделения, нашел двери, ведущие к залу ожидания, приемному покою и лифтам. Тони заподозрил, что жене придется набраться терпения, пока он отыщет верный путь.

Пока он стоял возле лифтов, мимо прошла симпатичная подтянутая афроамериканка в белом медицинском халате и черных кроссовках.

– Доктор Хопман, – с облегчением окликнул Тони.

– Мистер Парсоны! Как себя чувствует ваша жена?

– Пожалуйста, зовите меня Тони. А Кэти сейчас отдыхает. Все замечательно. Схватки прекратились, и дети здоровы. Врачи хотят оставить ее здесь под присмотром на пару дней. А еще она спрашивала о самочувствии матери, поэтому я и отправился все разузнать.

– Давайте присядем.

Тони с детства работал в семейном магазинчике спортивного инвентаря и даже смог сделать бизнес прибыльным, а потому умел читать эмоции людей.

– О нет.

– Сочувствую, Тони. – Собеседница взяла его под локоть и подтолкнула к ближайшим креслам. – Я сказала доктору Герсону, что сообщу новости, но могу вызвать сюда его самого, чтобы вы могли расспросить о подробностях.

– Нет, я его не знаю, так что лучше поговорю с вами. – Тони упал в кресло и опустил голову, закрыв лицо ладонями. – Что происходит? Я не понимаю. Почему они умерли?

– Мы проводим анализы, чтобы найти источник заражения. Пока же предполагаем, что вирус происходит из Шотландии, так как у вашего тестя появились симптомы еще до приезда в США. Кэти говорила, что ваши родные гостили на ферме в Дамфрисе?

– Да, это место принадлежит семье. Вернее, дяде Хью.

– Дяде Хью?

– Да, Хью Маклеоду. И Милли. Боже, нужно будет им сообщить о смерти Росса и Энджи. А еще Робу и Иену. Что я скажу Кэти?

– Принести вам кофе?

– Нет, спасибо. Я бы предпочел сейчас выпить чего-нибудь покрепче, но... – Он оборвал собственное лепетание и напомнил себе, что должен быть сильным, а потому вытер невольно выступившие слезы и решительно добавил: – Но согласен и на колу.

– Я принесу. – Рейчел остановила Тони, который уже начал подниматься, положив ладонь ему на руку. – Обычную?

– Ага.

Доктор Хопман подошла к автомату по продаже напитков, нащупывая в кармане халата мелочь и размышляя о разговоре с Тони. Значит, ферма. Поросята, цыплята. Может, какой-то штамм птичьего или свиного гриппа?

Вирусология – не ее конек, но она обязательно передаст информацию куда следует.

Вернувшись к Тони и протянув ему банку с колой, Рейчел сказала:

– Нам может помочь, если вы сообщите номера телефонов брата Росса и того Хью Маклеода.

Она записала номера кузена, близнеца, сына и даже племянников погибшего, а потом внесла свои контакты в телефон Тони.

– Звоните мне, если что-то понадобится. Вы планируете остаться сегодня на ночь с Кэти в больнице?

– Да.

– Я все организую. Еще раз соболезную вашей утрате, Тони.

– Росс и Энджи были... – Он тяжело вздохнул. – Я любил их, как собственных родителей. Приятно осознавать, что до самого конца о них заботились хорошие люди. Это поможет Кэти пережить новости.

Тони медленно побрел обратно к палате жены, намеренно пропустив нужный поворот, чтобы дать себе время подумать и успокоиться, а когда наконец добрался, то увидел, что Кэти лежит на кровати и смотрит в потолок, сложив руки на животе, и немедленно понял, как следует поступить.

Впервые с момента их встречи Тони солгал.

– Как там мама?

– Она спит. И тебе тоже нужно отдохнуть. – Он наклонился к жене и поцеловал ее. – Я ненадолго заеду домой и привезу вещи. А еще захвачу лазанью: готовят здесь наверняка отвратительно. А детям нужно хорошо питаться. – Он погладил Кэти по животу. – Что означает много мяса.

– Ты прав. Я знаю, что могу на тебя положиться.

– Ты тоже меня всегда поддерживала. Моя очередь. Вернусь раньше, чем ты заметишь, что я уезжал. И никаких вечеринок в мое отсутствие!

Глаза жены блестели, а улыбка казалась вымученной. И все же Кэти сумела пошутить в ответ:

– Поздно, уже вызвала стриптизеров.

– Попроси их подождать, пока я не вернусь.

Тони вышел из палаты и заторопился к машине. С неба начали падать безжизненные клочки снега, но Тони едва чувствовал их. Он уселся в минивэн, купленный в расчете на близнецов всего пару недель назад, опустил голову на руль и зарыдал.

Глава 3

К концу первой недели января зарегистрированное количество смертей превысило миллион. Всемирная организация здравоохранения объявила о начале пандемии, которая распространялась с беспрецедентной скоростью. Центры по контролю и профилактике заболеваний идентифицировали вирус как новый штамм птичьего гриппа и определили, что передается он путем прямого контакта между людьми.

Но никто не мог объяснить, почему проверенные птицы не выказали ни следа заражения. Ни курицы, ни индюшки, ни гуси, ни фазаны, ни даже перепела, конфискованные или пойманные в радиусе ста километров от фермы в Дамфрисе, не были инфицированы.

А вот люди – семья Маклеод в Шотландии, их соседи и жители городка – погибали в огромных количествах.

Детали проведенных исследований Всемирная организация здравоохранения, Центры по контролю заболеваний и Национальный институт здравоохранения держали в тайне.

Первые версии вакцин распространялись так медленно, что это провоцировало беспорядки, грабежи и насилие, однако официальные препараты оказались такими же неэффективными, как и подделки, которые продавали через Интернет.

По всему миру главы стран призывали сохранять спокойствие и порядок, обещали помощь, разглагольствовали о законах.

Чтобы ограничить контакты между людьми, закрылись школы и огромное количество предприятий. Продажи медицинских масок, перчаток, антисептиков и противовирусных лекарств взлетели до небес.

Но ничего не помогало. Тони Парсонс мог бы это подтвердить, если бы не умер на той же больничной койке, где лежала его теща, спустя семьдесят два часа после нее.

Пластиковые занавески, латексные перчатки, хирургические маски? Приговор глумился над ними и с ликованием шествовал по миру, разнося заразу.

Ко второй неделе после Нового года смерть забрала более десяти миллионов человек, и не было ни единого намека на то, что она остановится. Сдался даже президент США, хотя о его заболевании не сообщали, а смерть держали в тайне почти два дня.

Главы штатов тоже сыпались, как костяшки домино. Несмотря на все меры предосторожности, облеченные властью люди оказались такими же уязвимыми, как и бездомные, верующие и атеисты, священники и грешники.

В третью неделю после Нового года волна Приговора накатила на Вашингтон и смела более шестидесяти процентов Конгресса, оставив политиков лежать умирающими или мертвыми наравне с почти миллиардом людей по всему миру.

Воцарившийся в правительстве хаос всколыхнул боязнь новых террористических атак. Однако террористы были заняты – они умирали, как и все остальные.

Территории городов превратились в военные зоны, где тающие силы правопорядка сражались с оставшимися в живых людьми, которые смотрели на крах человеческой цивилизации как на возможность пролить кровь. Или получить выгоду.

А еще ходили слухи о странных танцующих огоньках и о людях, способных исцелять ожоги без лекарств или поддерживать пламя в бочках для обогрева без горючего. Либо же поджигать все вокруг ради удовольствия. Некоторые рассказывали о женщине, проходящей сквозь стены, другие клялись, что видели, как какой-то мужчина поднял машину одной рукой. Находились и те, кто наблюдал за парнем, танцевавшим в футе над землей.

Коммерческие пассажирские авиаперевозки прекратились еще на второй неделе в тщетной попытке остановить или замедлить распространение вируса по миру. Большинство из тех,

кто воспользовался самолетами до запрета на выезд, покинув свои дома, города и даже страны, так и умерли в чужих местах.

Остальные же решили переждать опасность, запасались продуктами и запирались в домах, квартирах и даже офисах, в отдельных случаях даже нанимая вооруженную охрану.

И с комфортом умирали в собственных постелях.

Находящиеся в самоизоляции люди смотрели все более скудные выпуски новостей в надежде на чудо.

К третьей неделе распространения вируса репортажи стали более ценными, чем бриллианты, и гораздо более редкими.

Арлис Райд не верила в чудеса, но свято чтит право населения знать о том, что происходит, а потому сделала головокружительную карьеру от журналиста утренних новостей в Огайо, передающего в основном отчеты о сборе урожая и редкие обзоры на местные ярмарки и фестивали, до репортера на одном из центральных каналов в Нью-Йорке.

Ее сюжеты приобрели популярность, несмотря на почти полное отсутствие подтвержденных сведений.

В свои тридцать два года Арлис мечтала стать ведущей национального канала. Но не предполагала, что получит работу из-за отсутствия конкурентов. Звезда вечерних новостей, спокойным и серьезным голосом освещавшая два десятилетия мировые кризисы, пропала еще в первую неделю пандемии. Остальные по очереди умерли или сбежали, а непосредственный предшественник Арлис впал в истерику в прямом эфире.

Каждое утро, просыпаясь в полупустом доме в нескольких кварталах от офиса, она проводила внутреннюю проверку. Ни жара, ни тошноты, ни резей в животе, ни кашля, ни галлюцинаций. Ни – хоть Арлис не верила в слухи – странных способностей.

В этот раз она позавтракала взятыми из постепенно истощавшихся запасов кукурузными хлопьями. Сухими, так как молоко было почти невозможно достать, если только вас не устраивали растворимые смеси. Арлис, к сожалению, их не выносила.

Она оделась, как на пробежку, так как теперь в любой момент могло потребоваться уносить ноги, даже при свете дня, даже на таких коротких расстояниях, как от дома до работы. Рюкзак с найденным на улице пистолетом тридцать второго калибра удобно лег на грудь, чтобы в любой момент можно было выхватить оружие. Напоследок Арлис проверила, надежно ли заперта дверь, и вышла из дома.

По пути она иногда останавливалась и делала фотографии на телефон, если поблизости никого не было. Каждый день находилось что-то новое: еще одно тело, или подожженная машина, или разбитая витрина магазина. В остальных случаях Арлис предпочитала передвигаться легким бегом.

Она, как всегда, была в отличной форме и при необходимости могла в любой момент ускорить темп. В основном на улицах ранним утром было пугающе тихо и пусто, если не считать брошенных машин и дымящихся развалин. Те, кто по ночам рыскал в поисках крови, при свете дня заползали обратно в свои норы, словно вампиры.

Арлис вошла через черный ход, так как Тим из службы безопасности снабдил ее полным набором ключей и магнитных карт, прежде чем исчезнуть. Затем она взбежала по ступеням: после пары отключений электричества все предпочитали пользоваться лестницей. Кроме того, подъем на пять этажей восполнял нехватку привычных тренировок в спортзале.

Оглушительная тишина пустых помещений больше не беспокоила Арлис. Она направилась на кухню, перемолола оставшиеся там зерна кофе, пересыпала их в пакет, убрала в рюкзак и только потом сварила ароматный напиток. Девушка старалась брать немного, максимум на день, ведь не только ей требовалась подзарядка ранним утром.

Иногда Малышка Фред – энергичная стажерка, прозванная так за миниатюрный рост, и продолжающая появляться на работе, как и сама Арлис, – пополняла запасы. Журналистка

никогда не спрашивала, где подвижная рыжая девушка достает кофе, шоколадки и кексы, а просто наслаждалась этими щедрыми дарами.

Сегодня Арлис наполнила термос горячим крепким напитком, выбрала один из батончиков и направилась в новостную редакцию. Можно было занять отдельный кабинет, благо свободных теперь имелось больше, чем занятых, но открытые пространства создавали ощущение безопасности.

Арлис включила свет, наблюдая, как лампы одна за другой загораются над пустыми столами и темными экранами, и попыталась не думать о том дне, когда выключатель не работает. Затем привычно устроилась на выбранном месте и запустила компьютер, скрестив пальцы на удачу. Интернет в квартире сдох пару недель назад, но на станции новостей по-прежнему имелся.

Соединение шло невероятно медленно, то и дело прерываясь, но шло. Арлис нажала на символ почтового ящика, налила себе кофе, откинулась в кресле и принялась ждать, едва смея надеяться. Когда на экране появился список входящих сообщений, она выдохнула и радостно воскликнула:

– Живем!

Затем проверила, как делала несколько раз в день, не пришло ли письмо от родителей, брата или друзей, которые остались в Огайо. Уже неделю ни от кого из них не было новостей, и связаться по телефону тоже не удавалось. В последний раз, когда Арлис разговаривала с отцом, тот заверил дочь, что с ними все в порядке, но голос его звучал неубедительно и слабо.

А потом контакты полностью прекратились. Звонки не проходили, а сообщения и электронные письма оставались без ответа.

Арлис отправила еще одно послание, указав в адресной строке сразу всех.

«Пожалуйста, свяжитесь со мной. Я проверяю почту несколько раз в день. Мобильный телефон тоже пока работает. Как у вас дела? Сообщите хоть что-нибудь о вашем местонахождении и состоянии. Я начинаю всерьез волноваться.

Мелли, если получишь это письмо, пожалуйста, передай моих родителей.

Надеюсь, у вас и ваших близких все в порядке.

Арлис».

Она нажала кнопку «отправить», запретила себе думать о родных, понимая, что пока ничего больше не может предпринять, и принялась за работу.

Сообщений на сайтах «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» становилось все меньше, но и там еще можно было раскопать интересные новости.

Бывший госсекретарь, ныне президент по порядку правопреемства, провел видеоконференцию с министром здравоохранения и соцслужб, исполняющим обязанности директора Центров по контролю и профилактике заболеваний – предыдущий скончался на девятый день пандемии – и недавно назначенным главой Всемирной организации здравоохранения. До последнего времени пост занимал Карлсон Трэк, но он заболел и передал полномочия Элизабет Морелли. Вопросы о состоянии мистера Трэка остались без ответа.

Арлис сделала пометку о заявлении ВОЗ, что, усилиями мировых экспертов, новая вакцина против вируса H5N1-X будет готова к массовому производству в течение недели.

– Забавно, что Трэк говорил то же самое десять дней назад. Брехня остается брехней даже в герметичном бункере, – пробормотала репортер себе под нос.

Затем прочитала сообщение о том, как группа людей, которые забаррикадировались с кучей припасов, еды и воды в начальной школе Квинса, устроила перестрелку с другой группой, которая попыталась забраться внутрь. Погибли пять человек, в том числе женщина с десятимесячным младенцем.

Уравновешивала эту трагедию новость о церкви в пригороде Мэриленда, где раздавали одеяла, свечи, батарейки, сухие пайки и другие предметы первой необходимости.

За этим последовали сообщения об убийствах, мародерстве и изнасилованиях. И гораздо более редкие – об актах героизма и проявлениях простой человеческой доброты.

И, само собой, росло количество новостей о созданиях со светящимися крыльями и людях, которые швырялись друг в друга огненными шарами, слетавшими с кончиков пальцев.

Арлис проглядела рапорты военных о перевозке тех, кто предположительно обладал иммунитетом к вирусу, для исследований в защищенные объекты. Интересно, где они находятся?

Затем последовали заметки о помещении в карантин целых кварталов, о массовых захоронениях, о блокадах и о зажигательной гранате, брошенной на лужайку Белого дома.

Фанатичный проповедник Иеремия Уайт заявлял, что пандемия вызвана гневом Божиим на грешный мир, и обещал, что праведники спасутся, если сами истребят всех злодеев.

«Они ходят неузнанными среди нас, – кричал он, – но являются посланниками ада, а посему должны быть возвращены пламени!»

Арлис делала пометки, переходя с сайта на сайт. С каждым днем их становилось все меньше. Затем она посмотрела на часы и включила Skype, чтобы связаться со своим самым доверенным источником.

Он появился на экране почти сразу после вызова и натянуто улыбнулся, приглаживая встрепанную белую шевелюру, зачесанную наверх, как у Билли Айдола, и открывающую приятное бесхитростное лицо.

– Привет, Чак.

– Привет, прекрасная Арлис. По-прежнему на пять из пяти?

– Ага. А ты?

– Здоров, богат и процветаю. Еще кого-то потеряли из коллег?

– Пока не знаю. Никого еще не видела с утра. Боб Баррет ни разу не объявился на работе, а Лорейн Марш вчера закатила истерику в эфире.

– Точно, сам видел.

– Скорее всего, я буду вести вместо нее дневные новости. Технари пока остались. Кэрл по-прежнему сидит за пультом, да и Джим Клейтон каждый день появляется. Немного странно видеть директора канала в роли осветителя или любого, кого потребуется заменить. А Малышка Фред умудряется пополнять припасы в кладовке, пишет объявления, помогает режиссеру.

– Похоже, ваша стажер – настоящая милашка. Почему ты нас до сих пор не познакомила?

– Буду рада исправить этот промах. Дай свой адрес, и можешь ждать ее на пороге.

– Хотел бы, но не могу. – Чак широко ухмыльнулся. – Ты же знаешь, даже у стен есть уши. Да что там у стен, в воздухе! Твой дружелюбный сосед-хакер должен охранять свою пещеру не хуже Бэтмена.

– Ты же в курсе, что Бэтмен был вовсе не дружелюбным, так? Его скорее можно назвать гениальным психопатом. А у Человека-паука не было пещеры¹⁰.

– Еще одна причина, почему я так тобой восхищаюсь. Только ты можешь поправить меня в комментарии про супергероя, – собеседник издал каркающий смешок. – Какое самое интересное сообщение прочла этим утром?

– Про голую женщину, гарцующую на единороге по Сохо.

– Блин, я бы многое отдал, чтобы посмотреть на голую женщину, даже без единорога. Я уже давно сижу взаперти один.

– Я раздеваться не собираюсь, Чак. Никакая информация того не стоит.

– Эй, мы же приятели! Так что я все выложу и без обнаженки.

¹⁰ Речь идет о персонажах комиксов DC и Marvel. Человека-паука обычно называли дружелюбным соседом, а база Бэтмена располагалась в подземных пещерах.

– Так что за новости у тебя есть?

– Ты читала сегодняшние отчеты по количеству погибших? – Улыбка хакера угасла.

– Ага. – Обе национальные газеты публиковали свежие цифры каждое утро. – Число умерших превысило миллиард на пятьсот миллионов триста двадцать две тысячи четыреста шестнадцать.

– Это официальная статистика для средств массовой информации. Реальное же количество – больше двух миллиардов.

– Больше двух миллиардов? – повторила Арлис. Ее сердце оборвалось. – Откуда взялись эти цифры?

– Не могу сказать. Но они достоверные, и число смертей растет намного быстрее, чем заявляют те, кто находятся во главе окружающего нас бардака.

– Но... Боже мой, Чак, это же почти треть всего мирового населения. Ты утверждаешь, что треть всех людей на планете стерты с лица земли за пару недель? – Сражаясь с дурнотой, Арлис записала цифры. – И это не принимая в расчет убийства, суициды, умерших от пожаров, аварий, давок и обморожений.

– Дальше будет еще хуже. Кое-что насчет чехарды с президентами. Карнеги выбыл из игры.

– Что ты имеешь в виду?

– Умер. – Собеседник потер светло-голубые глаза, ярко выделяющиеся на бледном веснушчатом лице. – Нового президента привели к присяге сегодня где-то около двух ночи. Это прежняя министр сельского хозяйства. Всех ее предшественников по линии правопреемства сразил Приговор. Чертова фермерша теперь правит тем, что осталось от страны. Если расскажешь об этом в новостях, жди военных гостей.

– Ага. После выхода в эфир с таким заявлением я уничтожу все данные с компа, как ты учил. Министр сельского хозяйства, ну и ну. – Пришлось вернуться на несколько страниц назад в записной книжке, чтобы проверить информацию. – Она же была восьмой в очереди. – Произнося это, Арлис вычеркивала имена в вертикали власти, и итоговый список оказался довольно коротким. – Если она умрет, то место президента займет министр образования. А больше никого и не осталось...

– Солнце мое, правительству кирдык. И не только в нашей стране, но и по всему миру. Чертовски жестокий способ избавиться от всех диктаторов скопом, хоть и эффективный. Северная Корея, Россия...

– Подожди, ты хочешь сказать, Ким Чен Ын умер? Когда?

– Две недели назад. Утверждают, что он жив, но это все фигня. Информация настолько надежна, что даже в банке примут. Если еще остались открытые банки... Но даже это не самая поганая новость, Арлис. Вирус мутировал. Карнеги пробыл президентом один день? Пусть даже три. По всему телу у него пошли язвы и нарывы. И это до того, как проявились симптомы Приговора. И это в изолированном бункере под круглосуточным присмотром и при том, что тесты проводили два раза в день!

– Если ты прав и вирус мутировал...

– То мы возвращаемся к двум миллиардам и возросшим темпам заражения. Но вот тебе главный фейерверк: никто не знает, что это за фигня. Штамм птичьего гриппа? Бредня!

– Что ты имеешь в виду? – потребовала объяснений Арлис. – Они вычислили источник. Нулевой пациент...

– Это все чертова деза! Может, мертвый чувак в Бруклине и правда был, но Приговор точно не является штаммом птичьего гриппа. Ни одна птица не заражена. Ученые все это время проводили исследования на курах, фазанах и всех пернатых, до которых могли дотянуться, но ничего не обнаружили. Да и четвероногие твари чувствуют себя отменно! Инфекция поражает только людей. Только нас.

– Намекаешь на биологическое оружие? Терроризм? – сумела выдавить Арлис, хотя в горле пересохло от ужаса.

– На этот счет ничего не нашел, информации по нулям, а уж поверь, искал я тщательно. Никто раньше не видел подобной заразы. А те, кто остался из власть имущих, прикрываются лживой сказочкой, «чтобы не провоцировать всеобщую панику». Да только это не работает. Паника уже здесь.

– А если они не могут идентифицировать вирус, то и вакцины не будет.

– В десятку! – Чак нарисовал в воздухе круг и ткнул пальцем в центр. – Так что ученые планируют новые шаги, и они не внушают доверия. До меня доходят слухи о военных, которые вытаскивают тех, кто пока не заболел, из домов и отвозят на базы типа Рейвен Рока и Форты Деррик. Там устанавливают периметр и проводят зачистки соседних районов. Так что, если планируешь выбираться из Нью-Йорка, конфетка, делай это сейчас.

– И кто тогда будет вести выпуски новостей? – отшутилась Арлис, но почувствовала, как болезненно сжалось сердце. – И кто тогда будет с тобой общаться?

– Я решил, что время в запасе есть, пока кто-то не явится по мою душу. А потом – у меня есть запасной путь отхода. Seriously, Арлис, если решишь использовать эту информацию, потом сразу уноси ноги. Собери все припасы, которые сможешь унести, и выбирайся из города. Это тебе не шутки! – Чак помолчал, а потом снова задорно ухмыльнулся. – На этой ноте... Жги, Фрэнк!

Арлис устало прикрыла глаза и издала слабый смешок, когда услышала первые такты песни Синатры «Нью-Йорк, Нью-Йорк».

– Что ж, пойду нести информацию в массы.

– Уверен, этот тощий парень из Хобокена¹¹ переживет весь хаос. Эй, а я ведь тоже тощий парень! Там ведь есть парк, так? В Хобокене. – Чак по-прежнему улыбался, но голубые глаза стали пронзительными и серьезными.

– Ну да, я как-то снимала там репортаж. Миллион лет тому назад.

– Да уж, это не Парк-авеню, но мальчишки считают это место номером один для посещения. Ну все, пора прощаться. Я и так бродил по сети до трех утра. А три утра – совсем не детское время. Давай, до скорого!

– Удачи, Чак!

После завершения звонка Арлис вызвала на экран карту улиц Хобокена и принялась водить по ней пальцем, бормоча себе под нос:

– Парк-авеню. Нашла. Может, Парк-авеню, дом один? Или пересечение Парк-авеню с 1-й стрит? Ага, пересечение, в три часа утра. Если удастся выбраться из Манхэттена.

Арлис вскочила на ноги и начала мерить шагами помещение, переваривая информацию, полученную от Чака. Ему можно было доверять. До сих пор все предоставленные им сведения оказывались точными. А то, что не подтверждали официальные источники, дополнялось анонимными.

Два миллиарда человек мертвы. Вирус мутировал. Еще один президент скончался. Нужно разузнать побольше про Салли Макбрайд – министра сельского хозяйства, которая, по словам Чака, стала президентом. Чтобы быть готовой, когда – и если – смена власти станет достоянием общественности.

Если Арлис расскажет об этом в прямом эфире, то сюда наверняка явятся военные или служба нацбезопасности и заберут ее на допрос, а может, и закроют их канал. В прежнем мире она бы рискнула оказаться в суде, чтобы защитить анонимный источник, но прежний мир умер.

Лучше простой журналистке сейчас не высовываться и придерживаться официальных новостей и самостоятельно найденных сведений. Хотя бы во время сегодняшнего эфира. А

¹¹ Фрэнк Синатра родился в г. Хобокене, Нью-Джерси.

уже потом, подготовив сводку на основе информации от Чака, перерыть всю сеть вместе с Малышкой Фред. И, если обнаружатся подтверждения этим сведениям, она сможет защитить и себя, и источник, и канал.

Арлис знала, что многие люди зависят от их вещания, ищут в выпусках новостей помощь, надежду и правду, и пообещала себе, что добудет подтверждение. Ради всех этих людей. Она откинулась на спинку кресла, налила кофе, подготовила информацию, отредактировала ее и распечатала. Фред поместит этот текст в суфлер.

Захватив бумаги, Арлис направилась к гардеробной, выбрала пиджак и уселась перед зеркалом, чтобы самостоятельно нанести макияж и сделать прическу. Конец света, может, уже и близко, но ведущий новостей должен выглядеть профессионально.

В студии она застала энергичную рыжеволосую Малышку Фред за беседой с оператором, который казался расстроенным.

– Привет, Арлис! Не хотела тебе мешать, пока ты готовила новости. Я достала яблоки и апельсины. Они в переговорке.

– Где ты умудряешься находить такие лакомства?

– Просто надо знать места.

– Рада, что ты знаешь. Можешь поместить информацию в суфлер?

– Конечно! – стажер понизила голос. – Стив очень расстроен, потому что видел вчера, как какой-то говнюк застрелил собаку и убежал. Наш здоровяк хотел помочь, но не успел. Пока он спустился, пес уже умер. Почему люди такие жестокие?

– Не знаю. Но пока существуют такие люди, как Стив, которые не боятся выйти на улицу, чтобы помочь собаке, не все потеряно.

– Это правда. Может, достать ему другого пса? Сейчас развелось столько бездомных.

До того как Арлис успела прокомментировать эту идею, Малышка Фред умчалась, чтобы настроить суфлер.

Ведущая подошла к столу и закрепила на ухе гарнитуру.

– Меня слышно?

– Все отлично, Арлис.

– Доброе утро, Кэрол. Набрала информации. На десять минут жести, на десять минут развлекаловки. Малышка Фред загружает данные в суфлер.

Они обсудили выпуск, добавили сведения, которые удалось раздобыть Кэрол и Джиму, решили, с какой истории начинать и какой заканчивать эфир. Чести стать последней новостью удостоилось сообщение о женщине на единороге. Таким образом все вместе они наскребли на полный тридцатиминутный выпуск.

– Когда все это закончится, Арлис, – произнес Джим в наушник, – и мир снова станет вменяемым, хотя бы относительно, ты останешься ведущей.

«Тяжелая артиллерия», – подумала девушка. А потом вспомнила новости, полученные от Чака. Мир никогда не станет прежним.

– Ловлю тебя на слове.

– Торжественно клянусь.

Фред положила листы бумаги с новостями на стол, рядом поставила стакан воды.

– Спасибо, – кивнула стажерке Арлис, пригладила длинное каре темно-каштановых волос, заглянула в зеркальце и принялась повторять скороговорки.

По знаку десятисекундной готовности она расправила плечи, на пятой секунде обратного отсчета повернулась к камере и дождалась сигнала к началу от Стива.

– Здравствуйте. Я Арлис Райд, и в эфире очередной выпуск новостей. На сегодняшний день, по оценкам Всемирной организации здравоохранения, количество умерших от вируса H5N1-X составило более полутора миллиардов человек. Вчера президент Карнеги провел сове-

щение с представителями и главами ВОЗ и ЦКЗ. Ученые работают не покладая рук, чтобы изготовить вакцину, эффективную против инфекции.

«Я обманываю зрителей, – думала Арлис, не прерывая отчета. – Лгу им, потому что боюсь рассказать правду. Лгу, потому что напугана до смерти».

Глава 4

Лана слушала ведущую с новостями одна хуже другой, выглядывая из окна, которое занимало всю стену.

Раньше ей нравилась возможность наблюдать за происходящим в районе. Сколько раз они с Максом бегали по утрам за свежими пончиками в ту булочную? Сейчас вместо витрины с заманчиво выставленной выпечкой и пирожными виднелись лишь наспех приколотенные доски, покрытые непристойными надписями.

Лана перевела взгляд на продуктовый магазинчик, где она постоянно закупалась, обмениваясь при этом шутками с веселой женщиной за прилавком. Дорис, ее звали Дорис. Всегда ярко покрашенная, всегда с плотной сеточкой на седых волосах.

Вчера популярный семейный магазинчик превратился в закопченный кирпичный остов с обгорелыми балками, над которыми до сих пор вился дымок, и разбитыми стеклами.

Наверняка причиной вандализма послужила чья-то злобная прихоть.

Теперь многие кафе и магазины, которые они с Максом так любили, были закрыты, разрушены или разграблены.

Остальные квартиры в их здании казались либо брошенными, либо забаррикадированными. Интересно, остался ли там кто-то живой или все умерли?

Этим утром на тротуарах не было ни одного прохожего. Даже тех, кто иногда выбирался наружу, чтобы пополнить запасы и снова запереться в своих убежищах. Машин тоже не было видно.

Они обычно появлялись по ночам, с наступлением темноты. Самопровозглашенные Мародеры. Лучшее название для этих подонков, казалось, сложно придумать. Они рыскали по улицам стаями, как бешеные волки, разъезжая на оглушительно воющих мотоциклах. Палили из пистолетов, бросали камни или бутылки с зажигательной смесью в окна. Громили, жгли, грабили и смеялись.

Прошлой ночью Лана проснулась от громких криков и выстрелов, решила выглянуть наружу и увидела банду Мародеров возле входа в их с Максом здание. Двое пьяных парней громко спорили, потом выхватили ножи, в то время как остальные столпились вокруг, поднабивая и вопя от жажды крови. Победенный упал на землю, получил множество пинков от бывших товарищей и остался лежать неподвижно.

Макс вызвал полицию, усилив сигнал с помощью растущих способностей, так как любая телефонная связь – мобильная или проводная – стала практически недоступной. Стражи порядка, облаченные в защитное снаряжение, приехали спустя час после звонка, упаковали тело в мешок и увезли, не утруждаясь тем, чтобы подняться наверх и опросить свидетеля происшествия.

Перед зданием до сих пор виднелось кровавое пятно.

Как мог мир превратиться в столь темное и жестокое место? И в то же время в самой Лане все ярче разгорался свет. Она чувствовала это сияние каждый раз, как открывалась навстречу новым способностям.

И Макс испытывал нечто подобное: рост сил, новые ощущения.

Лана убедилась, что есть и другие. Она своими глазами видела, как женщина прыгнула с крыши соседнего здания, но не в порыве отчаяния, а лишь для того, чтобы расправить светящиеся крылья и взмыть в небо.

А еще как-то раз наблюдала за скачущим по улице мальчиком, который взмахом руки заставлял фонари загораться и гаснуть.

Да и небольшие сгустки света периодически подлетали к окну на достаточное расстояние, чтобы различить в центре крошечные фигурки: мужские и женские.

Вокруг творились настоящие чудеса. И настоящие зверства. Человеческая жестокость процветала, обрастая ножами, пистолетами и дикостью. Темная магия проявлялась в тех, кто насмерть разил невинных прохожих огненными шарами или клинками из тьмы.

Так что пока внутри Ланы разрастался источник света, мир перед ее глазами умирал.

При мысли о количестве погибших, озвученном в новостях, ее сердце сжалось. Скончались больше полутора миллиардов человек. Полтора миллиарда жизней уничтожены, причем не террористическими атаками или религиозными распрями, не бомбами или танками. А вирусом, микробами, которые ученые бесстрастно окрестили набором букв и цифр.

Люди дали более меткое название – Приговор.

Арлис Райд теперь служила единственным источником информации о мире. Она казалась Лане такой невозможно спокойной, когда рассказывала о происходящих ужасах.

А еще она давала надежду. Например, сообщив о работе над вакциной. Но даже когда лекарство будет готово – а будет ли? – мир уже не станет прежним.

Приговор распространялся по планете с головокружительной скоростью, а темная и светлая магия заполняла пустоту, созданную миллионами, миллиардами смертей.

Что же останется в самом конце?

– Лана, немедленно отойди от окна! Это опасно.

– Я создала щит. Никто нас не увидит.

– А ты сделала его пуленепробиваемым? – Макс быстро подошел к ней и оттащил в глубь комнаты.

– Боже, не верю, что это все происходит на самом деле. – Лана прижалась к возлюбленному и устало сомкнула веки. – На востоке стоит такой столб дыма, что заслоняет небо. Нью-Йорк умирает, Макс.

– Я знаю. – Он крепко обнял девушку и посмотрел поверх ее головы на черные клубы, похожие на стаю хищно кружащих ворон. – Мне наконец-то удалось связаться с Эриком.

– Слава богу! – Лана быстро отстранилась, чтобы заглянуть Максу в глаза. Он пытался дозвониться до младшего брата уже много дней. – Он в порядке?

– Да. Но ему тоже не удалось узнать о судьбе родителей. Когда закрыли границы, они путешествовали по Франции. А установить сигнал на таком расстоянии мне не удалось... Пока не удалось.

– Я чувствую, что они живы. Просто чувствую. Где сейчас Эрик?

– До сих пор в Пенсильвании. Но говорит, что там дела обстоят совсем плохо, так что он планирует оттуда выбираться. Они с группой людей направятся на восток, подальше от города, а сейчас запасаются в дорогу. Я едва успел разобрать координаты того места, куда они собираются, как связь прервалась. Не мог больше поддерживать соединение.

– Но ты дозвонился до Эрика. Он здоров, и это главное. – Лана сосредоточилась на хорошей новости и взяла Макса за руку. – Ты хочешь отправиться за ним?

– Нужно уносить ноги из Нью-Йорка. Ты сама сказала: город умирает.

– Всю свою жизнь... – медленно произнесла девушка, оглядываясь на окно. – Я прожила здесь всю свою жизнь. Работала здесь и познакомилась с тобой. Но это место больше не похоже на наш дом. И тебе нужно отыскать брата. Так что отправимся вслед за ним.

Со вздохом облегчения Макс прижался щекой к макушке Ланы. Он обрел свое предназначение в этом городе, который считал сосредоточием всего: любимой профессии писателя, магических сил. Именно здесь он начал всерьез развивать свой дар, изучать его, практиковать. Строить карьеру. Здесь он встретил Лану, здесь началась их совместная жизнь.

Но сейчас Нью-Йорк горел и истекал кровью. Макс видел достаточно, чтобы понимать: если они останутся здесь, то погибнут. Он еще мог бы рискнуть собой, но Ланой рисковать не желал.

– Я должен найти Эрика, но самое главное – я должен позаботиться о тебе, обеспечить твою безопасность.

– Мы позаботимся друг о друге. – Девушка вскинула голову, их губы встретились. – Может быть, однажды мы вернемся и отстроим все заново.

Макс ничего не ответил. Он выходил на улицы, чтобы добыть еду и припасы, так что уже потерял надежду когда-либо вернуться в Нью-Йорк.

– У кого-то из группы Эрика есть загородный дом в Аллеганских горах, так что туда они и направятся. Поместье хорошо оборудовано и находится далеко от городов. – Говоря это, Макс не отрывал взгляда от окна и птиц, кружащих в столбе дыма. Кажется, их стало еще больше. – Там должно быть безопасно. Я набросал на карте маршрут.

– Дорога предстоит дальняя. В новостях говорят, что все выезды из Нью-Йорка заблокированы военными, которые хотят удержать людей в одном месте. А словам Арлис Райд можно доверять.

– Мы прорвемся. – Макс притянул Лану к себе, сжал ее плечи и провел по рукам вниз, словно желая поделиться своей уверенностью. – Мы выберемся. Собирай вещи. Но только необходимое. Я пока отправлюсь наружу за припасами. А потом угоним машину: на улице полным-полно брошенных. Я смогу завести двигатель. – Он посмотрел на собственные ладони. – У меня получится. И мы поедем на север, в Бронкс.

– В Бронкс?

– Главная проблема – мосты и тоннели. Нужно будет перебраться через пролив Гарлем, но, по слухам, Бронкс пока не перекрыт.

– И как мы туда поедем?

– Быстрее всего – по мосту Парк-авеню. – Макс изучал карты последние несколько дней. – По нему проходят железнодорожные пути, но для внедорожника или грузовика это не проблема. Переезд совсем короткий, всего триста футов, так что почти сразу мы окажемся на той стороне и направимся на север, пока не потребуете свернуть к Пенсильвании. Нужно выбираться из Нью-Йорка. Надвигается что-то плохое.

– Я знаю. Я тоже это чувствую. – Лана схватила Макса за руку и повернулась к телевизору. – В новостях говорят, что ученые работают над вакциной, но мне кажется, это неправда. Как бы я ни желала поверить, внутри крепнет ощущение, что этого никогда не будет. – Она решительно кивнула и отступила на шаг. – Я соберу вещи для нас обоих. Вряд ли нам много понадобится.

– Теплую одежду, – начал перечислять Макс, – фонарики, запасные батарейки, воду, пару одеял. Еще еду, но постарайся пока тоже брать только самое необходимое. Будем пополнять запасы по дороге. И оденься удобно, чтобы легко двигаться и бежать, если потребуете.

Лана смерила взглядом шкафы вдоль стен, от пола до потолка заставленные книгами. На некоторых значилось имя Макса.

Он понял намек и пожал плечами.

– Я все их уже прочел. Теперь пойду найду для нас рюкзаки, а ты пока собери одну сумку с нашими вещами.

– Пожалуйста, будь осторожен.

– Вернусь через час. – Макс наклонился к Лане и поцеловал ее.

– Я буду готова, – пообещала она, но, почувствовав внезапный приступ паники, придержала возлюбленного за руку. – Давай отправимся прямо сейчас. Вместе. А как только выберемся из города, достанем все необходимое.

– Лана. – Макс вернулся и поцеловал ее в лоб. – Те, кто бежит куда глаза глядят безо всякой подготовки, обычно быстро погибают. Нужно сохранять спокойствие и действовать правильно. Шаг за шагом. Теплая одежда, – повторил парень, затем натянул куртку и шапку. – Всего час. Запри за мной дверь.

Когда он ушел, Лана закрыла замки и задвинула засовы, установленные после начала всеобщего помешательства. И попыталась убедить себя, что Макс обязательно вернется. Он умный, осторожный и обладает сверхъестественными способностями. А еще никогда и ни за что не оставит ее одну.

Потом она отправилась в спальню и уставилась на забитые одеждой полки шкафа. Никаких элегантных и легкомысленных платьев. Никаких стильных туфелек или модных ботинок. Она почувствовала болезненный укол при мысли о расставании с любимыми вещами. Наверное, Макс испытывал нечто подобное от необходимости бросить книги.

Зато они оставались друг у друга.

Лана принялась укладывать свитера, толстовки, теплые легинсы, шерстяные брюки, джинсы, фланелевые рубашки, носки, нижнее белье. Одно одеяло, один большой теплый плед, два полотенца, косметичка с основными туалетными принадлежностями.

В ванной девушка с тоской осмотрела свою коллекцию шампуней, масел, косметики, средств по уходу за кожей. Затем убедила себя, что одна, всего лишь одна баночка с увлажняющим кремом – это насущная необходимость.

Когда Лана вернулась в гостиную, то застала конец выпуска новостей, в которых Арлис Райд рассказывала об обнаженной женщине, галопирующей верхом на единороге по Мэдисон-авеню.

– Надеюсь, это правда, – пробормотала девушка, в последний раз выключая телевизор.

В качестве памятной мелочи она выбрала любимое фото, на котором они с Максом стояли в обнимку. На нем красовались черные джинсы и голубая рубашка с закатанными до локтей рукавами, а на Лане – легкое летнее платье. Фоном служила яркая зелень Центрального парка.

Изображение вместе с рамкой отправилось в сумку между двумя полотенцами. Рядом лег экземпляр первого опубликованного романа Макса, «Король чародеев».

В качестве символа надежды на будущее Лана забрала из кабинета возлюбленного жесткий диск, на который Макс копировал все свои работы. Однажды, когда мир снова станет нормальным, приятно будет восстановить труд всей жизни.

Затем она достала из небольшой кухонной кладовой два фонарика и запасные батарейки. Упаковала хлеб, который испекла вчера, взяла пакеты с макаронами, рисом и приправами, кофе и чай. Уложила в маленький переносной холодильник скоропортящиеся продукты и замороженное куриное филе. Они с Максом не останутся голодными – хотя бы какое-то время.

Взгляд Ланы упал на набор ножей: роскошных, с отличными японскими лезвиями. Она копила на них пару месяцев. Но они стоили своих денег. Возможно, все брать не следовало, но и оставить их она не могла. Расстаться с ними было бы невыносимо. И потом, это полезные инструменты.

Приняв решение, безработный теперь су-шеф закатала ножи обратно и отложила в сторону. Она сама их понесет.

Потом Лана вернулась в спальню и, какой бы глупостью это ни казалось, аккуратно заправила постель и красиво разложила подушки. После этого оделась: теплые вещи, толстые носки, крепкие ботинки.

Когда раздался стук Макса – семь раз: три-три-один, – Лана бросилась к двери и принялась отодвигать засовы и открывать замки. А распахнув дверь, кинулась на шею любимому.

– Я не позволяла себе беспокоиться в твоё отсутствие, – прошептала она, втягивая его в квартиру. – Так что волнение накапливалось и прорвалось в ту секунду, когда ты постучал.

К глазам Ланы подступили слезы, и она рассмеялась, увидев бордовый рюкзак с розовой окантовкой.

– Тебе же нравится этот цвет, – протягивая подарок, улыбнулся ей Макс. – А в магазине был один подходящий.

– Я тебя обожаю. – Смахнув слезы, Лана взяла рюкзак. – Ого, уже тяжелый.

– Я набил их припасами – твой и свой. Только мой – мужественного защитного цвета. – Макс намеренно умолчал о том, что среди его вещей находится также девятимиллиметровый пистолет с коробкой патронов, найденный в полуразграбленном магазине. – А еще я положил каждому по многофункциональному инструменту, набору для фильтрации воды и мотку амортизирующего троса. – С этими словами он снял шапку и пригладил волосы. – Мы с тобой истинные горожане, милая, и окажемся в незнакомой нам дикой среде.

– Зато мы будем вместе.

– Я никому не позволю причинить тебе вред.

– Хорошо. А я буду всеми силами защищать тебя.

– Давай сложим оставшиеся вещи. Возможно, придется какое-то время идти пешком, пока не наткнемся на подходящий транспорт. Я хочу выбраться из Нью-Йорка до темноты.

Когда они упаковывали рюкзаки, Макс заметил скатку с ножами и вопросительно поднял брови:

– Ты собираешься взять все?

– Я не положила ни одной пары туфель от Маноло. Знаешь, как это тяжело? Ужасно!

Он поразмыслил минуту, затем выбрал бутылку из винной стойки и засунул в свой рюкзак.

– Кажется, так будет справедливо.

– Так и есть. У тебя тоже есть нож. Это ведь ножны на поясе?

– Это оружие. Ради предосторожности. – Заметив, что Лана ничего не ответила, Макс расстегнул передний карман рюкзака и достал пистолет с кобурой.

– О боже, только не это! – Она в ужасе отступила на шаг. – Мы же оба ненавидим огнестрельное оружие.

– Нас ждет неизведанная территория. И опасная к тому же. – Макс решительно закрепил кобуру на ремне. Затем взял Лану за руку и сжал пальцы. – Ты не выходила на улицу почти две недели. Поверь мне, пистолет – необходимость.

– Я верю тебе. Но очень хочу как можно быстрее выбраться из города и оказаться там, где оружие не потребуется. Идем, я готова.

Лана начала было натягивать голубое кашемировое пальто, которое подчеркивало цвет ее глаз, подарок Макса на Рождество, но он покачал головой, и она со вздохом сменила непрактичную вещицу на теплую зимнюю куртку. Но с вызовом намотала на шею кашемировый шарф. Никак не прокомментировав это, Макс помог ей надеть рюкзак.

– Не тяжело?

– Я горожанка, которая посещает спортзал. – Лана согнула в локте руку, демонстрируя бицепсы. – Вернее, посещала.

С этими словами она перекинула через грудь ремень сумочки.

– Лана, может, не стоит...

– Я бросаю кухонный комбайн, жаровню и один раз ношенные сапоги от Лабутена, но любимую сумочку не оставлю. – Поведя плечами, чтобы приспособиться к весу рюкзака, девушка кинула на собеседника упрямый, вызывающий взгляд. – Приговор или не Приговор, всему есть предел, Макс. Всему есть предел.

– Это те сапоги выше колен, которые ты надела в комплекте с моей рубашкой на голое тело?

– Точно. Значит, два раза ношенные.

– Я буду скучать по ним не меньше тебя.

Лана улыбнулась и порадовалась про себя, что даже в таких обстоятельствах они с Максом могут развеселить друг друга.

Он подхватил собранную ею сумку и открыл дверь.

– Нужно идти быстро. Будем двигаться на север, пока не найдем грузовик или внедорожник.

Вновь посерьезнев, Лана кивнула.

Они направились к лестнице, которая находилась в конце общего коридора. Дверь последней квартиры приоткрылась.

– Не ходите наружу.

– Не останавливайся, – велел Макс, когда девушка замедлила шаг.

В проем между створкой и косяком высунулась женщина по имени Мишель. Лана знала только, что соседка работала в рекламном отделе, недавно развелась и проматывала на вечеринках немаленькое семейное состояние.

Теперь же ее волосы висели грязными сосульками вокруг лица, шевелясь, словно от ветра. А по квартире за спиной женщины летали тарелки, стаканы, подушки и фотографии в рамках.

– Не ходите наружу, – повторила она. – На улицах царит смерть. – Затем Мишель безумно улыбнулась, помахав пальцами в воздухе. – Я не могу это контролировать! Просто не могу! Мы все сумасшедшие. Мы. Все. Сумасшедшие.

С диким хохотом она захлопнула дверь.

– Как думаешь, мы сумеем ей помочь? – спросила Лана Макса.

– Нужно идти, – ответил он, беря девушку за руку и подталкивая в сторону лестницы.

– Она такая же, как мы.

– Только вот некоторые не в состоянии справиться с проснувшимися способностями и сходят с ума, как эта женщина. Имеющая иммунитет к вирусу, но приговоренная к смерти. Такова нынешняя реальность, Лана. Не останавливайся.

Они молча спустились на три этажа и оказались в узком вестибюле.

Почтовые ящики щерились пустыми зевами, а оторванные дверцы казались дразнящими языками. Стены пестрели нецензурными надписями. В воздухе висел тяжелый запах застоявшейся мочи.

– Я не знала, что в здание кто-то сумел пробраться, – дрожащим голосом произнесла Лана.

– Вандалы испоганили весь первый этаж, – отозвался Макс. – Большинство жильцов уже давно унесли оттуда ноги. Не думаю, что в доме вообще осталось много людей.

Они шагнули за порог и очутились под яркими солнечными лучами и по-зимнему холодным ветром. До Ланы донеслись запахи дыма и гари, гнилой пищи и смерти.

Не останавливаясь, они торопливо шли через остатки прежней жизни. Весь их мир заключался в этом лабиринте улочек, магазинов и кафе. Теперь же здесь царили запустение и разрушение. На обезлюдивших дорогах громоздились брошенные или разбитые машины. В ужасной тишине шаги двух путников порождали оглушительное эхо.

Лана ощутила тоску по непрерывному шуму моторов, гудкам, голосам и другим звукам, которые сливались в симфонию этого города. Она скорбела по прежнему Нью-Йорку, оставляя за спиной его улицы.

– Макс, боже мой, в той машине остались тела.

– Некоторые люди были слишком больны, чтобы ехать в больницу, но все равно пытались. Каждый раз, как я выходил, таких несчастных становилось все больше. Нельзя останавливаться, любимая. Мы ничем не сумеем помочь.

– Но бросать их вот так тоже неправильно! Хотя что сейчас есть правильного? Даже если вакцину начнут распространять уже завтра... – Лана оборвала сама себя, услышав в молчании Макса ужасную правду, будто он высказал ее вслух. – Ты считаешь, что никакого лекарства не будет?

– Мне кажется, погибших гораздо больше, чем сообщают в новостях. И это еще не конец. Вряд ли ученые близки к созданию вакцины.

– Нельзя допускать такие мысли, Макс, нужно надеяться на лучшее...

Пока Лана говорила, перед ними из разбитой витрины магазина выпрыгнула девчонка не старше пятнадцати лет с набитым рюкзаком на спине.

Слова приветствия и ободрения так и не сорвались с языка Ланы, потому что незнакомка злобно ощерилась и выхватила нож.

– Бросайте пожитки, неудачники, и живо проваливайтесь. Может, тогда останетесь живы.

Лана отшатнулась, испытывая страх вперемешку с удивлением. Макс вышел вперед и заслонил ее.

– Сделай нам всем одолжение, – предложил он. – Разворачивайся и уходи.

Тощая девчонка с торчащими из-под шерстяной шапочки светлыми волосами со свистом разрезала ножом воздух.

– Твоя сучка уже не будет казаться миленькой с дырками по всему телу. Бросайте свои вещи, или пожалеете!

Когда девчонка сделала выпад, стараясь пырнуть ножом Макса, Лана инстинктивно вскинула руку, чувствуя, как в душе разрастается ужас.

Малолетняя грабительница отлетела на несколько футов назад, вопя от боли, и шлепнулась на тротуар, удивленно распахнув глаза. Это дало Максиму время достать из кобуры пистолет.

– Держись от нас подальше. Убирайся отсюда!

– Так вы из этих, – с ненавистью процедила девчонка, глядя на Лану прищуренными глазами. – Уникумы. Это вы во всем виноваты. Мерзкие выродки. – Она сплюнула и убежала.

– Макс, как ты?..

– Быстрее, убираемся отсюда. Она может привести приятелей.

Они сорвались на бег. Макс при этом не выпускал пистолет из рук.

– Что она имела в виду под...

– Позже. Смотри, там внедорожник.

Лана заметила серебристый джип с помятым бампером. И почти сразу наткнулась на распростертые тела. Макс убрал пистолет и схватил ее за руку, заставив бежать быстрее.

– Подожди, там погибшие... – Их кровь уже засохла.

– Не обращай внимания. – Макс уже открыл дверь машины, и тут тишину нарушил взревевший вдалеке двигатель. – Быстро, забирайся внутрь!

Лане пришлось пройти по луже крови и переступить через тела, чтобы неловко заползти в салон внедорожника. Резкий звук выстрела заставил девушку подпрыгнуть и скорчиться, пока Макс торопливо запрыгивал в машину и забрасывал их вещи на пустое заднее сиденье. Потом он вытянул руку по направлению к стартеру.

Из-за угла вылетел мотоцикл и помчался в их сторону. Позади водителя с развевающимися черно-красными волосами сидела неудачливая грабительница.

– Поймай Уникумов! – визжала она. – Убей их!

Вслед за ними из-за угла вывалилась группа людей. Четверо или пятеро мужчин бросились к внедорожнику, стреляя на бегу.

– Ну же, давай! – сквозь стиснутые зубы шипел Макс, на его лице выступил пот.

Лана закрыла глаза, думая о несбывшихся мечтах и том будущем, которое могло бы наступить, если бы все удалось. Что ж, они с возлюбленным хотя бы умрут вместе.

В это время Макс радостно воскликнул, услышав звук заработавшего мотора, врубил первую передачу и надавил на газ.

– Держись, – предупредил парень, выкрутил руль, и машина рванула прочь от разъяренной толпы, взвизгнув шинами.

Лана вздрогнула, когда боковое зеркало с ее стороны разлетелось от пули, а внедорожник налетел на край обочины, отъехал назад и натолкнулся на другую машину, прежде чем Макс выровнял его.

Они понеслись по улице, стараясь оторваться от преследовавшего их мотоцикла.

Когда они приблизились к еще одному скоплению разбитых и брошенных автомобилей, Макс даже не сбросил скорость, лавируя между ними в опасной близости. Пару раз раздавался скрежет металла о металл, летели искры.

Лана осмелилась бросить взгляд назад.

– Мне кажется, они нас нагоняют. Макс, боже, у той девчонки пистолет. Она...

В воздухе раздался свист пуль. Послышался звук разбитого стекла.

– Наверное, попали в заднюю фару, – угрюмо пробормотал Макс, так резко сворачивая за угол Пятнадцатой улицы, что внедорожник едва не перевернулся, и направляя машину на восток. – Мне придется сбросить скорость, пока мы едем по городу, чтобы пробраться через заторы и брошенные автомобили. У наших преследователей маневренность гораздо выше. Лана, тебе придется повторить тот прием, который ты использовала на улице.

– Я и сама не понимаю, как это вышло! – выпалила она, с ужасом закрывая лицо руками. – Я была напугана.

Макс резко крутанул руль, потом вернул его в прежнее положение, наехав на уже расплюснутый курьерский велосипед.

– Теперь страшно? Сбей мотоцикл! Опрокинь их, или мы сами можем погибнуть!

В этот раз пуля попала в заднее окно. Осколки стекла разлетелись в стороны. Лана обернулась и вскинула руку, вложив в удар весь свой страх.

Переднее колесо мотоцикла задралось вверх, а заднее приподнялось над землей. Девчонка завопила, слетела со своего места и врезалась в корпус брошенной машины. Крик резко оборвался. Мужчина удержался на сиденье, сражаясь с управлением. Однако вскоре потерял контроль, перевернулся вместе с мотоциклом и, куваясь, покатился по дороге.

– Боже, я их убила! Я убила их, да?

– Ты спасла нас.

Макс немного сбросил скорость, прокладывая путь по городу. Пришлось свернуть к северу на Бродвее, так как скопление разбитых машин преграждало восточное направление. За ними виднелся Таймс-сквер: хаотичный и всегда многолюдный квартал теперь стоял пустым и молчаливым, как кладбище.

Притормаживая внедорожник на каждом перекрестке, Макс проверял, свободен ли путь. Наконец они свернули на восток.

Лана пыталась вспомнить, сколько раз она брала такси или садилась на метро, чтобы оказаться в центре города и отправиться по магазинам, в кафе или театр. Распродажи в «Барниз», главном супермаркете Нью-Йорка, незабываемое время покупок новой пары обуви на восьмом этаже в «Сакс», прогулки в Центральном парке с Максом – все это позади и стало лишь воспоминанием.

Последними признаками жизни были редкие прохожие, которые крадучись перебежали от здания к зданию. Резкий, деловой темп жителей мегаполиса тоже остался в прошлом. Как и туристы, с восторгом задиравшие головы, чтобы полюбоваться на небоскребы.

Теперь в центре города царила разруха: разбитые витрины, перевернутые мусорные баки, сломанные фонари. По одной из улиц в поисках еды бродила собака, настолько исхудавшая, что ребра выступали под шерстью. Лана задумалась, превратятся ли домашние питомцы в диких зверей, когда достаточно проголодаются. Станут ли они охотиться на людей?

– Ты знаешь количество жителей Нью-Йорка?

– Около девяти миллионов, – ответил Макс.

– Мы проехали почти пятьдесят кварталов, а прохожих видели гораздо меньше. Даже по одному человеку на квартал не наберется. – Лана глубоко вздохнула, стараясь успокоиться и не заплакать. – Я не поверила, когда ты сказал, что погибших больше, чем утверждали по телевизору. Теперь верю. Почему та девочка желала нашей смерти? Зачем они гнались за нами и пытались убить?

– Давай сначала выберемся из города, а потом поговорим.

Макс свернул на Парк-авеню. Широкая дорога не означала более свободного передвижения, лишь давала больше пространства для брошенных и разбитых машин. Лана с ужасом представила, как из-за паники возникали пробки, как гнев побуждал водителей сталкиваться и переворачивать автобусы, как страх вынуждал обитателей домов заколачивать досками окна даже на шестых-седьмых этажах.

На перекрестке валялся продуктовый фургончик, разобранный почти до основания. Чуть дальше виднелся сгоревший дотла лимузин, над которым до сих пор поднимался дым. Брошенные краны раскачивались на ветру, напоминая огромные скелеты.

Макс вел джип через весь этот хаос, не отрывая рук от руля, а глаз от дороги.

– Стало немного посвободнее. Большинство водителей пытались прорваться через мосты и тоннели даже после того, как их перекрыли.

– Но город не утратил своей притягательности, – заметила Лана, едва проталкивая слова через ком в горле. – Старые кирпичные здания и особняки остались.

Несмотря на сорванные с петель двери и разбитые окна, красота упрямо цеплялась за строения.

Внимательно глядя по сторонам, Макс быстро вел машину по широкой и когда-то прекрасной улице.

– Все вернется на свои места, – заверил он. – Люди слишком упрямы, чтобы не отстроить заново, не восстановить такой город, как Нью-Йорк.

– А мы тоже попадаем под определение «люди»?

– Конечно, – заверил Макс и накрыл руки Ланы ладонью: отчасти чтобы успокоить ее, отчасти – себя самого. – Не позволяй страхам и подозрениям невежд и хулиганов заставлять тебя сомневаться. Мы выберемся с Манхэттена и будем ехать на север и северо-запад, пока не найдем способ пересечь реку. Чем дальше мы окажемся от густонаселенных районов, тем выше будут шансы. – Она молча кивнула, и Макс продолжил: – Если не получится переправиться, то поищем безопасное место, чтобы дождаться весны. Доверься мне, любимая.

– Я доверяю.

– Осталось меньше двадцати кварталов до железнодорожного моста. – Он кинул взгляд в зеркало заднего вида и нахмурился. – Нас догоняет какая-то машина.

Макс тоже увеличил скорость. Лана оглянулась.

– Мне кажется, это полицейские. Мигалки, и теперь вот еще сирены. Нужно свернуть на обочину.

– Прежние правила больше не действуют, – отозвался он, вместо этого разгоняясь еще сильнее. – Некоторые копы тоже охотятся на людей вроде нас.

– Я не слышала об этом в новостях. Макс, ты едешь слишком быстро!

– Не хочу испытывать судьбу. Я разговаривал с другими, чьи способности возросли после пандемии. Так вот, военные и полиция хватают и убивают подобных нам, когда представляется возможность. Та девчонка не единственная, кто винит во всем сверхъестественные силы. Мы почти добрались до моста.

– Но даже когда мы туда... – Лана осеклась и зажмурилась, когда Макс резко кинул джип влево, объезжая перевернутый грузовик.

– Замедли их!

– Я не...

– Сделай то же, что и с мотоциклом, но вложи меньше сил. Только чтобы копы от нас отстали.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, Лана вскинула руку и попробовала представить, что машина преследователей наталкивается на невидимую стену, отъезжает назад.

Почти сразу полицейский автомобиль начал рыскать из стороны в сторону, а затем замедлился, словно по волшебству. Разве такое возможно? Еще несколько недель назад Лана едва справлялась с тем, чтобы зажечь одну свечу, а теперь... Теперь она сама пылала от разгорающегося внутри пламени.

– Молодец! Так и держи их. Нам нужно выиграть всего пару минут.

– Я боюсь, что... А вдруг получится как с мотоциклом? Я не хочу никому навредить.

– Просто продолжай удерживать копов на расстоянии. Впереди уже виден мост. Черт побери! Они развели мост. Я об этом не подумал, хотя и должен был.

Утратив концентрацию, Лана обернулась и с ужасом посмотрела на высоко поднятый пролет. Оценила пустое расстояние между двумя частями дороги.

– Тормози!

– Нет, нужно его опустить. – Макс схватил Лану за руку. – Вместе. Вдвоем у нас получится. Сосредоточься, любимая, как я тебя учил. Сфокусируй волю на том, чтобы вернуть на место пролет, или нам крышка!

Лана подумала, что Макс переоценивает ее способности и решимость, но сквозь их сцепленные руки почувствовала, как их силы объединяются и резонируют. А потом влила в него всю свою магию, вздрагивая от напряжения и ощущая, как что-то внутри растет и ширится. После резкого толчка, словно от задутной свечи, перекрытие моста поехало вниз.

– Получилось! – воскликнула Лана. – Только...

– Сосредоточься. Вместе мы справимся.

Но внедорожник мчался слишком быстро, а пролет опускался слишком медленно. Сзади завывали сирены.

«Вместе, – подумала Лана. – Выживем или умрем».

Закрыв глаза, она надавила сильнее. Затем услышала глухой стук, почувствовала, как машина подпрыгнула и затряслась.

– Поднимай! – закричал Макс.

Сквозь звон в ушах, эхом разносящийся по всему телу, Лана снова напрягла силы, в этот раз толкая пролет вверх. Потом открыла глаза. На секунду ей показалось, что внедорожник парит в воздухе. Она быстро обернулась и увидела, как пролет моста поднимается фут за футом. На другом краю пропасти машина преследователей резко остановилась, взвизгнув тормозами.

– Макс, откуда взялась эта сила? Как нам удастся вытворять такое? Эта мощь пугает и...

– Опыняет? Полагаю, дело в смещении мирового баланса, в заполнении пустоты. Не знаю, но разве ты не чувствуешь сама?

– Да, да, чувствую. – Она ощущала открывшиеся перспективы и много, много чего еще.

– Мы выбрались, – успокоил Лану Макс, поднося ее руку к губам, при этом не отводя взгляда от дороги и не снижая скорости, пока джип мчался по железнодорожным путям. – Мы найдем способ переправиться. А сейчас выпей воды, бутылка в рюкзаке. И дыши глубже, а то тебя трясет.

– Те люди... Те люди пытались убить нас.

– Мы им не позволим. – Макс повернулся к Лане, его серые глаза пылали яростью. – Нам предстоит долгий путь, но мы обязательно со всем справимся.

Она усилием воли расслабилась, откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и постаралась успокоить сердцебиение, очистить сознание от застывшей его пелены страха.

– Это так странно, – пробормотала Лана спустя пару минут. – За все время жизни в Нью-Йорке я впервые оказалась в Бронксе.

– Что ж, чертовски веселая поездочка вышла. – Смех Макса, глубокий и искренний, приятно удивил девушку.

Глава 5

Джонас Ворайс брел сквозь хаос приемного покоя больницы. Люди по-прежнему стекались сюда, спотыкаясь и едва переставляя ноги, словно само здание стало символом надежды на спасение. На чудо. Больные вваливались внутрь, заходясь от кашля и задыхаясь от рвоты, истекая кровью и умирая. Большинство от Приговора, а некоторые от его последствий – жестокости и насилия.

От пулевых и ножевых ранений, травм головы и сломанных костей.

Некоторые пациенты сидели в приемной тихо и безнадежно. Например, мужчина с семилетним мальчиком на коленях. Или женщина с пустыми глазами, которая молилась, перебирая четки. Смерть клубилась внутри их так отчетливо, что Джонас понимал: ни один не дотянет и до конца дня.

Другие зараженные требовали немедленно их принять, кричали, вопили от ярости, брызгая слюной. «Какая жалость, что они тратят последние моменты жизни на такие уродливые поступки», – думал Джонас.

То и дело между ожидавшими в приемной вспыхивали драки, но они быстро прекращались. Вирус подтачивал организм настолько, что даже атлет сдался бы, получив или нанеся пару ударов.

Медперсонал, вернее то, что от него осталось, делал все возможное.

Коек и палат было достаточно. Вот только не хватало докторов, медсестер, интернов и санитаров, чтобы лечить, зашивать раны и останавливать кровотечения.

Зато в морге мест уже не было, и трупы складывали штабелями, как бревна на лесопилке.

Куда подевались все медики? Кто-то умер, кто-то сбежал. Патти, с которой Джонас работал в паре больше четырех лет, не стала исключением. Мать двоих детей, поклонница оглушительной рок-музыки и фильмов ужасов – чем кровавее, тем лучше, любительница мексиканской кухни, включая соус табаско, она покинула город со всей семьей еще на второй неделе эпидемии, после смерти отца, который жил в Тампе и занимался гольфом, и матери – учителя на пенсии, организатора книжного клуба и страстной вязальщицы.

Прощаясь с Патти, Джонас видел, что вирус укоренился в ней вместе со страхом и горем, и понимал, что им не суждено встретиться вновь.

Ни с ней, ни с хорошенькой медсестрой, которая обожала носить униформу с котятками и щенками. Ни с постоянно выдувавшим пузыри из жвачки санитаром. Ни с энергичным интерном, который надеялся стать хирургом. Ни с десятками других.

Они мерли как мухи. Кто-то – дома, кто-то – прямо на работе. Джонас сам привез нескольких таких. Он теперь трудился в одиночку. Как и персонал больницы, число медиков «Скорой», спасателей, пожарных, полицейских уменьшилось почти в десять раз.

Кто-то умер, кто-то сбежал.

Рейчел выжила. Прекрасная и преданная делу, доктор Хопман продолжала сражаться с волной Приговора. Заваленная работой, истощенная, она ни разу не показала признаков страха. Джонас приходил к ней, и один взгляд на девушку дарил ему надежду.

Тогда он надолго запирался в квартире, в темноте, потому что надежда ранила.

И все же возвращался в поисках хотя бы крошечной искры света в этом жестоком мире. Но видел лишь смерть, которая бросалась на Джонаса, старалась разорвать его когтями, насмехалась над его даром видеть все и неспособностью помочь.

Так что он медленно брел по приемному покою, утверждаясь в своем решении, которое принял в темноте. Это станет последней попыткой отыскать надежду.

Джонас заглянул в несколько палат, но увидел только смерть. В кладовках заметил разруху.

Может, совершить последнюю поездку на «Скорой»?

Вне приемного отделения больничные коридоры напоминали гробницу. Джонас думал, что, возможно, так оно и есть. Что, возможно, это знак свыше. И что тишина успокаивает.

Скоро она воцарится повсюду.

Джонас зашел в комнату отдыха для персонала – с этим местом у него были связаны приятные воспоминания, которые он хотел забрать с собой. За одним из столов он заметил Рейчел. Она шприцом брала у самой себя кровь.

– Что ты делаешь?

Доктор Хопман взглянула на вошедшего. На ее лице читались усталость и озабоченность, но не паника. И не болезнь.

– Закрой дверь, Джонас. – Рейчел перелила образец в пробирку, приклеила ярлык и поставила на стойку к нескольким другим. – Я произвожу забор крови, так как обладаю иммунитетом против вируса. На протяжении четырех недель не проявилось ни одного симптома, хотя я много раз контактировала с патогенами. Как и ты, – добавила она. – Садись, я хочу взять образец крови и у тебя.

– Зачем?

– Потому что все до единого больные, которых я лечила, умерли, – спокойно сказала доктор Хопман, распаковывая новый шприц. – Потому что мне кажется, именно ты привез нулевого пациента в больницу. Помнишь Росса Маклеода?

– Я... – Почувствовав слабость в коленях, Джонас опустился на стул.

– Я отправила отчет в Центр контроля заболеваний несколько недель назад, но так и не получила ответа. Многие их ученые тоже умерли. Мне не удастся дозвониться до них, но я попробую отправить новые результаты и образцы завтра. Хочу сделать это до того, как до нас доберутся. Сними куртку и закатай рукав рубашки.

– Доберутся до нас?

– Сейчас в Нью-Йорке, Чикаго, Вашингтоне, Лос-Анджелесе и Атланте проводят развертывание. – Рейчел затянула на руке Джонаса резиновый жгут, протерла дезинфицирующим раствором сгиб локтя и велела: – Сожми кулак. Так вот, в спецзаведения забирают всех, кто обладает иммунитетом, чтобы проводить над ними опыты. Вне зависимости от желания самих людей.

– Откуда ты знаешь?

– Врачи общаются с другими врачами. – Она слегка усмехнулась и ввела иглу в вену Джонаса. Он едва заметил укол. – Мы дружили с одной девушкой, которая работала в Чикаго. Кажется, она уже умерла.

Голос Рейчел оборвался. Она посидела молча, делая глубокие вдохи, пока не успокоилась, а затем продолжила:

– К ним в больницу ворвались люди в костюмах химзащиты и провели тесты на вирус у всего персонала. Моя подруга их не заинтересовала, зато забрали одного из ее коллег, в крови которого обнаружили антитела. Это произошло три дня назад. А брат знакомой работал в больнице Вашингтона. И их здание тоже уже заняли. Какая-то оперативная группа из сотрудников ВОЗ, ЦКЗ и НИЗ. Они перевезли пациентов в другие больницы, отобрав нескольких для наблюдения и тестов. Обладающие иммунитетом находятся в карантине под надзором военных. Брат подруги успел предупредить ее. А она предупредила меня.

– Я смотрел выпуски новостей, когда мог. – Точнее, когда мог их выносить. – И не слышал ничего подобного.

– Если кто-то из репортеров что-то знает, они явно держат язык за зубами. Или оказываются запертыми в тех же карантинах. Мне так кажется. – Рейчел закрыла пробирку с кровью собеседника, подписала и поставила рядом с другими образцами. Затем протерла едва замет-

ный след от укола ваткой и заклеила пластырем. После чего откинулась на стуле и посмотрела Джонасу в глаза. – У Хили тоже иммунитет.

– Кажется, я его не знаю.

– Конечно, да и откуда? Он работает в лаборатории и сейчас проводит собственное исследование. Мы, точнее он, протестировали огромное количество образцов крови, начиная с того, что принадлежал Россу Маклеоду. Но теперь перешли на тех, кто обладает иммунитетом. Пока еще есть время.

Рейчел обвела взглядом комнату отдыха, тяжело вздохнула, словно только что вынырнула со дна глубокого озера, но нашла силы продолжить:

– Наша больница не самая большая даже по меркам Бруклина, но рано или поздно доберутся и сюда. А если обнаружится мой первоначальный доклад по нулевому пациенту, то это произойдет еще быстрее. Я окажусь в изоляции, стану подопытным кроликом. – Она посмотрела на Джонаса, а потом потерла красные от переутомления глаза. – Как и ты. Держись подальше от этого места.

– Как раз зашел попрощаться.

– Отличная идея. Мы все равно ничем не можем помочь. Ты привозишь больных, я их лечу. Но смертность после заражения в любом случае составляет сто процентов. Сто. Процентов. – Доктор Хопман закрыла лицо ладонями и помотала головой в ответ на робкую попытку собеседника утешить, прикоснувшись к плечу. – Дай мне минуту, – прошептала девушка, потом тяжело вздохнула, опустила руки и взглянула на Джонаса. Ее темно-карие глаза блестящие, но слезы так и не полились. – Я хотела быть врачом с самого детства. Не принцессой или балериной, не музыкантом или актрисой. Врачом. Чтобы работать в неотложке, где люди больше всего нуждаются в помощи, больные, напуганные, раненые. А теперь что? Я бессильна их вылечить...

– Да. – Джонас почувствовал, как тьма смыкается над его головой. – Мы не в состоянии им помочь.

– Может, наша кровь окажется полезной? Может, Хили каким-то чудом обнаружит в ней антитела и создаст лекарство? Понимаю, шансы на это невелики, но они есть. И все же, пока я держусь на ногах, я буду делать все, что в моих силах. А ты уходи. – Рейчел взяла его за руку. – Найди безопасное место и не возвращайся в больницу.

– Представляешь, а я ведь был в тебя влюблен, – признался Джонас, опустив глаза и посмотрев на умелые, сильные пальцы девушки в своей ладони.

– Знаю. – Когда он осмелился вновь взглянуть на Рейчел, она улыбнулась. – Жаль, что никто из нас не решился ничего в связи с этим предпринять. Я избегала привязанностей – по многим причинам. А у тебя какая отговорка?

– Не наскреб достаточно храбрости.

– Мы оба были не правы. А теперь уже слишком поздно. – Рейчел осторожно высвободила руку, встала и взяла стойку с образцами крови. – Отнесу их в лабораторию к Хили и поработаю его ассистентом, раз в их отделе никого, кроме него, не осталось. Удачи тебе, Джонас.

Он смотрел, как уходит любимая девушка, и думал: «Надежды нет». Даже в докторе Хопман потухла эта искра. Сила осталась, но надежда угасла. Он все понимал. А потому опустил закатанный рукав, натянул куртку и побрел к выходу.

Он не хотел снова пересекать приемное отделение, переполненное смертями, но знал, что это поможет следовать принятому решению.

Стараясь игнорировать крики, рвоту и мучительный кашель больных, Джонас выбрался на улицу. Сначала он планировал покончить со всем внутри здания, например в морге, упростив всем жизнь, но просто не сумел войти в помещение, битком набитое трупами.

Может, сделать это прямо здесь, на ступенях больницы? Но медперсоналу и без него есть чем заняться. Тогда в собственной машине «Скорой помощи»? Это место казалось подходя-

щим, чтобы обрести покой. Тогда за рулем или сзади? За рулем или сзади? Почему так сложно принять решение?

Само действие не вызвало сомнений. Медик повидал достаточно самоубийств и попыток покончить с собой, чтобы знать наилучший способ. Дедушкин старый револьвер в рот, спустить курок – и готово.

Он больше не мог жить, видя вокруг только смерть. Безнадежную, неизбежную. Он больше не мог смотреть в лица соседей, коллег, друзей и родных и видеть смерть в них.

Он не мог больше сидеть в темноте квартиры, скрываясь от этих видений. Не мог больше слушать крики, выстрелы, мольбы о спасении и дикий хохот.

Рано или поздно депрессия и отчаяние превратятся в сумасшествие. И Джонас боялся, смертельно боялся, что безумие сделает его одним из тех злобных монстров, что охотятся на невинных и служат причиной новых смертей.

Лучше покончить со всем прямо сейчас и погрузиться в вечную тишину.

Джонас нащупал в кармане успокаивающие обводы пистолета и направился к машине «Скорой помощи», радуясь, что удалось поговорить с Рейчел, попрощаться с ней. И думая о том, что Хили обнаружит в его крови. Какие-то тельца, выдающие его ужасный, темный дар? Его проклятие.

Мысли Джонаса прервал гудок машины, которая вылетела на тротуар и остановилась, взвизгнув тормозами. Он, однако, продолжил путь, не желая видеть новые смерти, и только втянул голову в плечи, услышав просьбу о помощи.

От вируса спасения не было.

– Пожалуйста! Помогите!

Джонас поклялся себе, что больше не будет смотреть на смерть, а потому даже не обернулся.

– Я рожая! Мне нужна помощь! Пожалуйста!

Теперь он не удержался и оглянулся через плечо. И увидел женщину, с трудом выбиравшуюся из ярко-красного минивэна, обхватив обеими руками огромный живот.

– Пожалуйста, позовите врача. Дети вот-вот родятся!

Джонас не заметил ни тени смерти. Лишь жизнь. Три ярко горящих искры.

Утешаясь тем, что покончить с собой можно и позднее, он поспешил на помощь.

– Какая неделя беременности?

– Тридцать четыре недели, пять дней. Близнецы. Я жду близнецов.

– Отличный срок, чтобы забить двойной гол. – Джонас обхватил женщину за талию.

– Вы врач?

– Нет. Фельдшер «Скорой помощи». Не стоит сейчас идти через приемное отделение. Там полно зараженных.

– Мне кажется, я невосприимчива к вирусу. Все остальные... Но только не дети. Они здоровы, я это чувствую.

– Все будет хорошо. – Услышав в голосе собеседницы страх, Джонас постарался придать собственному успокаивающие интонации. – Мы поднимемся в родильное отделение напрямую через служебную дверь, а потом я отыщу вам доктора.

– Я... Ай, схватка! – Женщина тяжело задышала и вцепилась в спутника, изо всех сил сжав пальцы.

– Нужно замедлить процесс.

– Сам и замедляй! – огрызнулась роженица, со свистом втягивая воздух. – Простите.

– Ничего страшного. Какой интервал между схватками?

– Как только я села за руль, считать стало затруднительно. Когда я выезжала, было около трех минут. А сюда я добиралась примерно четверть часа. Просто не знала, что еще делать.

– Как вас зовут? – Он медленно вел ее к лифтам.

– Кэти.

– А меня – Джонас. Вы готовы дать жизнь двум малышам, Кэти? – Женщина подняла на спутника огромные зеленые глаза, а потом уронила голову ему на грудь и зарыдала. – Тише, тише. Все будет замечательно, обещаю. – Родить двойню в этом темном, умирающем мире? О чем он только думал, задавая подобный вопрос? Мысленно отругав себя, Джонас решил говорить только о насущных проблемах. – А воды у вас уже отошли?

Кэти покачала головой.

Лифт открыл двери в пустой вестибюль. Абсолютная тишина не внушала оптимизма. Похоже, здесь им никто не поможет.

Джонас повел женщину дальше по коридору, заглядывая во все двери, но находя только пустые палаты и покинутые кабинеты. Неужели сейчас никто больше не рождает?

Наконец он выбрал одну из комнат и завел Кэти туда.

– Родильный номер люкс, – объявил медик, стараясь говорить веселым тоном. – Давайте я помогу вам снять пальто и устроиться поудобнее. Как зовут вашего акушера?

– Неважно, он все равно уже мертв.

– Теперь снимем обувь. – Джонас нажал на кнопку вызова медсестры, прежде чем наклониться и стянуть ботинки с роженицы. Он не стал затруднять себя поиском больничного халата для нее: во-первых, не представлял, где его искать, во-вторых, не хотел тратить на это время, а в-третьих, на Кэти и так было платье. – Вот так, – пробормотал Джонас, помогая ей забраться на кровать, а потом замолчал, переживая очередную схватку, во время которой женщина снова сжала его запястье.

– Они все мертвы? – спросила она затем. – Врачи, медсестры?

– Нет, – ответил Джонас, еще раз нажимая на кнопку вызова. – Перед тем как вы приехали, я беседовал со знакомым доктором. Сейчас пойду и попробую отыскать кого-то из персонала родильного отделения.

– Боже, только не оставляйте меня здесь одну.

– Не оставлю, клянусь. Просто попытаюсь найти медсестру или акушера. А еще нужно достать инкубаторы для детей. Срок беременности достаточный, но они все равно родятся недоношенными.

– Я старалась дотянуть до тридцать шестой недели, очень старалась, но...

– Эй, вы молодец! – Взяв Кэти за руку, Джонас подождал, пока та поднимет на него заплаканные глаза. – Доходили почти до конца тридцать пятой недели. Дайте мне две минуты, хорошо? И не тужьтесь. Если начнется схватка, просто дышите, как учили. Не тужьтесь, пока я не вернусь.

– Поторопитесь. Пожалуйста.

– Обещаю.

Он вышел из палаты и побежал по коридору, хоть и не знал куда, так как был в этом отделении всего несколько раз, и то не дальше приемной. Заметив за стеклом трех малышей в кроватках, Джонас постарался воспринять это как хороший знак. Значит, кто-то остался на этаже и заботится о детях. Кто-то же должен о них заботиться, так?

Толкнув двойные двери, он влетел в операционную. Доктор в хирургическом костюме, шапочке, маске и перчатках держал скальпель. Рядом стояла медсестра. На столе лежала беременная женщина, ее глаза были закрыты.

– Я привел роженицу с близнецами. Вы...

– Я пытаюсь спасти жизнь матери и ее плода. Убирайтесь и не мешайте!

– Но мне... Но пациентке нужен врач.

– Я сказал: выметайтесь! На этаже остался только я, и я чертовски занят. Сестра!

– Уходите! – приказала она Джонасу, пока врач делал надрез.

– Вызовите доктора Хопман. Сделайте хотя бы это. Вызовите ее.

Он поспешил прочь, схватил два инкубатора и потащил их в палату, где Кэти прерывисто дышала во время очередной схватки.

– Продолжайте, продолжайте! Я пока подключу боксы, чтобы они были готовы принять детей.

– Доктор, – выдавила роженица.

– Придется нам с вами справляться самим, – отозвался Джонас, подсоединяя инкубаторы, сбрасывая куртку и торопливо закатывая рукава. – Не переживайте, у нас все получится.

– О боже, о боже. Вы раньше уже принимали роды?

– Ага, пару раз.

– Наверняка вы бы ответили так, даже если бы это было неправдой.

– Ну уж нет! Мне даже доводилось помогать рождению недоношенных младенцев. Вот близнецы у меня впервые, но эй, если знаешь, как управиться с одним, то и двое не станут проблемой. Я помою руки, надену перчатки, а потом проверим, как продвигаются дела, окей?

– Как будто у меня есть выбор. – Кэти уставилась в потолок, в точности как тогда, когда умирала ее мать. – Если со мной что-то случится, обещайте мне, что позаботитесь о детях.

– Все будет хорошо. Я позабочусь и о них, и о вас. Торжественно клянусь. – Джонас начертил крест над сердцем в знак нерушимого обета, затем вышел в ванную и принялся намыливать руки. – Как вы собираетесь назвать близнецов? – крикнул он оттуда.

– Девочку – Антонией. Мой муж... Он особенно хотел дочь. До того как мы узнали про двух детей, он мечтал о ней. А мальчика – Дункан, в честь моего дедушки по линии отца.

– Отличные, сильные имена. – Джонас натянул перчатки и сделал глубокий вдох. – Разнополые близнецы. Просто лучше не придумаешь, а?

– Он умер здесь. Мой Тони. И родители, и брат. Четверо любимых людей скончались в этой больнице, но я все равно приехала сюда рожать. Не знала, куда еще отправиться.

– Соболезную. Но ваши дети здесь не умрут. И вы тоже. Э-э, мне придется снять ваше нижнее белье, чтобы взглянуть, как продвигаются роды.

– Скрамность уже давно вычеркнута из моего списка. Наверное, теперь мы можем перейти на «ты»?

– Согласен, – отозвался Джонас, спуская трусики женщины. – Нужно провести осмотр.

– Иди ты в задницу!

– Для дела придется взглянуть немного в другое место.

– Да ты шутник, – рассмеялась Кэти, заставив улыбнуться и собеседника.

– Ты бы слышала меня, когда я в ударе. Сейчас нам придется познакомиться совсем близко. Знаю, это неприятно, но нужно потерпеть. Дыши.

Он ввел пальцы в шейку матки, чтобы измерить раскрытие. Кэти уставилась в потолок, тяжело дыша.

– Ты готова рожать. Извинюсь перед Антонией, когда она появится на свет. Кажется, я слегка задел ее головку.

– Перед Дунканом. Он идет первым. Его головку?

– Ага, – отозвался Джонас, мысленно поблагодарив небеса за то, что младенец находится в правильном положении и его не придется разворачивать.

– Еще одна схватка на подходе.

– Теперь можно тужиться. Роды почти начались. Ты... Ага, вот и воды отошли.

– Больно! Мария, Матерь Божия, как же больно!

– Знаю.

– Откуда? Ты же мужчина. – Кэти повернула голову набок, закрыла глаза и выдохнула. – Мы с Тони хотели, чтобы во время родов играла Адель и присутствовали обе бабушки. Вот только все наши родные умерли. У малышей осталась только я.

– Показалась головка Дункана! Ну и шевелюра у него! Волосы темные. Хочешь, я поднесу зеркало?

– Я так его любила, моего мужа, Тони. – Кэти всхлипнула и закрыла глаза руками. – Мои родители, брат, его семья. Моя семья. Они все умерли. Дети. Дети – все, что у меня осталось. – Она утерла слезы и кивнула: – Да, я хочу посмотреть на Дункана. Пожалуйста, поднеси зеркало.

Джонас принес его и повернул так, что мать смогла разглядеть своего сына. Затем помог справиться со следующей схваткой, подсказывая, когда следовало тужиться.

Кэти больше не говорила о своих потерях и держалась, как воин во время сражения.

Темноволосый Дункан появился на свет, размахивая руками и громко вопя. Мать тут же протянула руки к новорожденному сыну.

– У него отличный цвет кожи и просто потрясающе развитые легкие. – Джонас обтер младенца салфеткой и передал Кэти. – Я сейчас перережу пуповину.

– Он прекрасен. Просто идеал. Правда ведь?

– Нужно будет его взвесить и поместить в инкубатор, чтобы согреть. Но да, малыш однозначно выглядит идеально.

– Он... Он тянется к груди!

– Ну а чего ты хотела от парня?

– В книгах пишут, что недоношенные... Ого, он сразу же присосался! Видимо, сильно проголодался. И... О боже! Антония на подходе!

– Она не захотела оставаться одна в темноте. Давай я положу Дункана в инкубатор.

– Нет, не надо. Я его держу. Пусть поест. А я... буду... тужиться.

– Вот так! Теперь еще раз, как следует!

– Стараюсь!

– Хорошо, хорошо, спокойно. Расслабься, дыши. Нужно поднатужиться. Как можно сильнее. Давай! А вот и Антония. Посмотри в зеркало, Кэти. Помоги дочке выбраться на свет.

Роженица набрала воздух в легкие и выпустила его с низким воплем. Джонас подхватил головку малышки, развернул девочку за плечи, и та скользнула ему прямо в руки.

– Добро пожаловать, Антония.

– Она не кричит. Она молчит! Что-то не так?

– Дай ей пару секунд. – Джонас очистил рот и нос младенца, растер крошечную грудь. – Давай же, Антония, мы знаем, что ты не хочешь показаться плаксой, но мама будет рада услышать твой голос. – Затем он обратился уже к Кэти: – С малышкой все хорошо. Я вижу в ней свет, а не тьму. Вижу жизнь, а не смерть.

– Что...

– Вот так. – Джонас облегченно усмехнулся, когда ребенок испустил громкий, недовольный и будто слегка оскорбленный крик. – Отлично, кожа тоже уже розовеет. Антония просто решила вначале немного осмотреться. Она настоящая красавица, мамочка.

– Посмотри на ее милую лысую головку. – Кэти прижала дочку к себе.

– Ага, братишка явно забрал себе всю волосатость. Но дай Антонии время, и, уверен, она догонит и перегонит Дункана. Перережаю пуповину. Если здоровяк закончил с перекусом, то я бы хотел обтереть его как следует, взвесить и проверить еще пару вещей. Приготовься тужиться, сейчас выйдет плацента.

– Думаю, это будет легче, чем родить близнецов.

Джонас забрал Дункана у Кэти, тщательно обтер, измерил пульс, взвесил, проверил рефлексy. – Шесть фунтов и две унции¹². Отличный вес даже для доношенного ребенка. Отличная работа, мамочка!

¹² Чуть меньше 2 кг 800 г.

– Она смотрит на меня. Наверное, это не так, но кажется, будто Антония меня разглядывает. Будто уже знает, что я ее мать.

– Конечно же, знает. – Джонас пристально изучил младенца у себя на руках и ощутил... исходившие от него восторг и тихую, спокойную любовь. – Дункан сейчас ненадолго отправится в инкубатор, а я займусь девочкой. И потом принесу тебе попить, – пообещал он Кэти, обтирая Антонию. – И что-нибудь поесть, если удастся найти. Твоя дочурка весит пять фунтов и десять унций¹³. Совсем неплохо!

– Схватки!

– Отлично, давай закончим с родами. Я подставил утку, так что тужься, чемпион!

Когда схватки миновали, Кэти молча откинулась на кровать и дождалась, пока Джонас вытрет пот с ее лица, а потом сжала его пальцы.

– Ты сказал, что видишь жизнь, а не смерть. Свет, а не тьму. И когда произносил эти слова, то казался... другим.

– Просто немного увлекся моментом. – Джонас шагнул назад и попытался высвободить руку, но Кэти только усилила хватку и посмотрела на него.

– Я тоже в последние несколько недель видела вещи, которые не имели смысла. Как в сказках и фантастических фильмах. Ты один из тех, кого называют Уникумами?

– Кэти, ты переутомилась и должна...

– Ты помог появиться на свет моим детям. Помог обрести семью. Смысл... – Ее голос задрожал, а из глаз полились слезы. – Смысл жизни. За это я буду благодарна тебе до конца своих дней. И буду вспоминать каждый раз, глядя на близнецов. И если отчасти я родила здоровых детей благодаря твоим способностям, то рада, что ты отличаешься от остальных.

– Я не знаю, откуда у меня этот дар и кто я такой вообще. – К глазам Джонаса подступили слезы, и он обнаружил, что уже сам цепляется за руку Кэти, как за спасательный круг. – Я не знаю. Я вижу тень приближающейся смерти, травмы или болезни. Вижу, как они произойдут. Но не могу их предотвратить.

– Ты заметил свет жизни в моих детях и во мне. Я знаю, кто ты. Ты – мое личное чудо.

– Я собирался покончить с собой. – Признание опустошило Джонаса, и он опустился на край кровати, стараясь взять себя в руки.

– Нет, только не это!

– Если бы ты подъехала на пять минут позже, я был бы уже мертв. Не мог больше выносить такое количество смертей. Но когда я увидел исходящий от тебя свет... Думаю, ты тоже стала для меня личным чудом.

– Можешь еще немного подержать меня за руку? – спросила Кэти, слегка ослабляя хватку.

– Конечно. Конечно, могу.

В ответ она положила голову на плечо Джонаса.

Он услышал быстрые и торопливые шаги, а потом различил, как Рейчел зовет его по имени, и крикнул:

– Мы здесь! – Затем пояснил Кэти: – Это доктор. Лучше поздно, чем никогда.

– Кому нужен был врач? – Рейчел заглянула в палату, посмотрела на Джонаса, затем на инкубаторы. – Вот это да! Твоя работа?

– Она немного помогла, – ответил он.

– Похоже, вы и вдвоем отлично справились. Я доктор Хопман, – представилась она и воскликнула, когда молодая мать обернулась: – Кэти! Кэти Парсоны, так?

– Да. – Слезы по лицу женщины полились ручьем, и она протянула руку, по-прежнему прижимаясь к Джонасу. – Вы живы.

¹³ Около 2 кг 500 г.

– Да. Как и вы. И ваши дети. Я сейчас осматрю их, а затем вас.

– Дункан весит шесть фунтов и две унции, – отчитался медик. – А Антония – пять фунтов и десять унций. Не успел измерить их рост.

– Ты проделал самое главное. Как чувствует себя мама? – спросила Рейчел, наклоняясь к Дункану.

– Усталая, голодная, благодарная, грустная, счастливая. Я испытываю весь набор эмоций. Доктор Хопман поддержала меня, когда умерла моя мать, и заботилась о ней. И об отце тоже.

– Это Джонас привез их в больницу, – сказала Рейчел, обернувшись к коллеге и пояснила: – Росс и Энджела Маклеод.

– Маклеод. – Он помнил их. Куриный бульон на плите. И тот, с кого все началось. Нулевой пациент. – Будто все связано, – пробормотал он.

– Оба ребенка полностью здоровы, – сказала доктор Хопман и наклонилась над уткой, чтобы внимательно изучить остатки плаценты и пуповины. – Хорошо. Отлично.

– Когда дети будут готовы к перевозке? – требовательно спросил Джонас.

– Я должна осмотреть Кэти, прежде чем делать выводы. А еще нужно найти кого-то из педиатров и провести полное обследование близнецов.

– Она в порядке, и дети тоже. Я вижу это, так же как видел, что ее мать заражена, пока ты хлопотала над ее отцом. И еще тогда знал, что у тебя иммунитет. Я мог ощущать подобные вещи еще до начала пандемии. Но теперь эти чувства обострились. Я не жду, что ты мне поверишь, но...

– Я верю, – прервала его Рейчел, устало потирая глаза. – Я не слепая. Повсюду происходят удивительные события, и нужно быть полным идиотом, чтобы их не замечать. Но я буду паршивым доктором, если не осматрю женщину, которая только что родила двух близнецов.

– Как только ты закончишь, я хочу знать, когда они будут готовы к поездке. И когда будешь готова ты сама.

– И куда мне предстоит отправиться?

– Я пока не слишком хорошо представляю, но точно знаю, что вы с Кэти и детьми обладаете иммунитетом. А ты сама сказала, что таких, как мы, забирают в карантин, чтобы проводить опыты. Причем не добровольно.

– Что? – воскликнула Кэти, хватая Джонаса за плечо. – Кто это делает? Правительство? Они удерживают тех, кто не заболел, против воли?

– Джонас, – укоризненно вздохнула Рейчел.

Но он больше не хотел врать. И отказывался поддаваться отчаянию.

– Кэти имеет право знать. Ей теперь следует думать о детях. А ты врач. Всем людям нужны врачи, даже тем, кто устойчив к вирусу. Им потребуется чертовски умный доктор, который умеет приспосабливаться к любой ситуации. Что касается меня, то я не желаю становиться жертвой какого-то эксперимента. – Джонас помолчал, а потом повторил: – Все связано: родители Кэти – со мной, я – с тобой, ты – с Кэти, она – со мной. И теперь дети. Круг замкнулся. Это что-то да значит. Когда они смогут отправиться в путь? Когда ты сумеешь освободиться?

Испытывая смертельную усталость, Рейчел посмотрела на младенцев, на беззвучно рыдающую женщину и на мужчину, который внезапно будто обрел железный стержень.

– Возможно, завтра. Все зависит от того, какое путешествие ты имеешь в виду. Все дороги перекрыты.

– Я знаю, где достать лодку.

– Лодку?

– У Патти – моей напарницы – был небольшой катер, – начал он. – Не слишком роскошный, но он подойдет, чтобы переправиться через реку. А потом можно направиться... да куда угодно. Наверняка знаю одно: нужно держаться подальше от городов. Не представляю

пока, куда лучше поехать, но точно уверен: никто не будет проводить эксперименты над этими детьми.

– Я никому не позволю прикоснуться к моим малышам! – заявила Кэти, которая резко прекратила плакать. – Никому. Мы готовы отправляться прямо сейчас.

– Завтра, – вскинула руку Рейчел. – Сначала я осматрю вас, и будем наблюдать за младенцами в течение двадцати четырех часов. Если не возникнет осложнений, то двинемся в путь завтра. Кроме того, нам нужно запастись всем необходимым: подгузниками, одеялами, смесью для близнецов.

– Дункан уже берет грудь.

– Серьезно? – с облегчением выдохнула доктор Хопман. – Отличные новости. Но все равно стоит собрать припасы в дорогу. Я постараюсь отыскать что-то из вещей в больнице и позабочусь о выписке, если вас вообще регистрировали. И поеду с вами, не только потому, что роженице с двумя младенцами потребуется врач – Джонас справился бы и сам, – но и потому, что он прав. Это, – Рейчел обвела рукой всех пятерых присутствующих, – что-то значит. А еще где-то там я, возможно, вновь сумею почувствовать себя доктором.

Она подошла к кровати и сказала медику:

– Попробуй отыскать что-нибудь съедобное для новоявленной матери. И воду или любой холодный напиток. А еще принеси чистую одежду. И найди шапочки и памперсы для младенцев. Посмотрим, какой из тебя добытчик, Джонас.

– Считай, все уже есть, – заверил он, поднимаясь, а потом повернулся к Кэти: – Я обязательно вернусь.

– Не сомневаюсь.

– Так, а теперь позвольте мне осмотреть вас, – начала Рейчел.

– Доктор Хопман?

– Рейчел. Называйте меня Рейчел. И можно на «ты», раз уж мы планируем совместный побег.

– Взаимно. Я хочу поддержать малышей, когда ты закончишь осмотр.

– Обязательно, – ответила врач и почувствовала, как искра надежды, угасшая за последние несколько ужасных дней, снова начинает разгораться.

Побег

*То временем бегущим не затмится —
И памятью в грядущем возродится!*
ФИРДОУСИ¹⁴

¹⁴ Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туси – персидский и таджикский поэт. Автор эпической поэмы «Шахнаме», откуда приведены строки (пер. с персидского: В.В. Державин, С.И. Липкин).

Глава 6

Пока Кэти впервые баюкала свою дочь, Арлис Райд решила поискать материалы для выпуска новостей на улицах. Уже много дней она полагалась на информацию от Чака, данные из Интернета и наблюдения, сделанные по пути на работу.

Настоящие репортеры так не поступают. Пора отправиться наружу и сделать собственный репортаж.

С этими мыслями Арлис последний раз проверила батарейки в диктофоне и встала, решив не сообщать о своих намерениях ни режиссеру, ни продюсеру. Что бы ни произошло, они не должны нести ответственность за выбор недавно назначенной ведущей. Она знала, что отчасти идея отправиться на улицы была вызвана раскаянием из-за решения скрыть информацию, полученную этим утром от Чака.

Помощи ждать неоткуда.

Когда Арлис принялась натягивать куртку, то поймала на себе взгляд Фред.

– Куда это ты собралась?

– Наружу. Делать свою работу. Прикрой меня, пожалуйста. Просто скажи, что я ушла на перерыв или что-нибудь еще, если кто-то спросит. Я хочу снять небольшой блок новостей, опрашивая людей на улицах. Если удастся найти хоть одного вменяемого обитателя Нью-Йорка, который не попытается меня ограбить, изнасиловать или убить.

– Я не буду тебя прикрывать. – Стажер вскочила со своего места. – Я отправлюсь с тобой.

– Ни в коем случае.

Малышка Фред выпрямилась во весь свой пятифутовый рост¹⁵ и широко улыбнулась.

– Даже не спорь. Я провела достаточно времени снаружи, добывая провизию для студии, помнишь? Кроме того, вдвоем безопаснее, – заключила она, накидывая ярко-голубое пальто, украшенное розовыми звездами. – Я знаю, где находится что-то вроде рынка, вернее, дыра в стене. На пересечении Шестой и Пятьдесят первой улиц. Вход заколочен, но в одном месте можно отодвинуть доски и пробраться внутрь. – Фред натянула поверх копны рыжих кудряшек розовую шерстяную шапку с огромным помпоном и добавила: – Там можно взять немного еды. Но не больше чем необходимо – таково соглашение.

– Соглашение? Между кем?

– Ну... Мы организовали некое подобие соседской взаимопомощи. Среди тех, кто выжил. Все приносят припасы, и каждый берет лишь самое нужное, чтобы другим тоже осталось.

– Фред... – Арлис закинула на плечо свой рюкзак и внимательно посмотрела на миниатюрную девушку с рыжими волосами и веснушчатым лицом. – Это отличная история!

– Ее нельзя показывать в эфире. – Добрые зеленые глаза собеседницы омрачились. – Если некоторые люди прознают, где можно раздобыть еду, то явятся и заберут все. Чтобы запастись впрок.

– Я не буду называть адрес, даже район, – умоляющим тоном произнесла Арлис. – Просто расскажу вашу историю. Про людей, которые трудятся вместе, помогают друг другу. Нужно хоть одно яркое пятно в этой беспросветно темной картине. Ты могла бы сообщить мне – без деталей, имен и адресов, – как вы пришли к этому соглашению, каким образом оно работает.

– Расскажу по дороге.

– Хорошо, но держись рядом. – Арлис подумала о пистолете в рюкзаке.

– Без проблем. И не волнуйся: я отлично умею отличать подонков от порядочных людей. Некоторые подонки не пытаются кого-то убить, просто не умеют вести себя по-другому.

– Не поспоришь.

¹⁵ 5 футов = 1 м 52 см.

Они направились к выходу.

– Думаю, Джиму бы не понравилось, что ты рискуешь собой.

– Зато ему понравится добытый материал. – Арлис пожала плечами. – Про обычных людей, старающихся выжить и справиться с потерями. Как им это удастся. Нашим зрителям нужно слышать такие истории, чтобы самим преодолевать невзгоды.

– И брать на рынке только самое необходимое?

– Что-то вроде того. – Пока они двигались по вестибюлю, Арлис в общих чертах обрисовала план: – Сейчас направимся на запад к Шестой улице, будем смотреть в оба и держаться подальше от групп людей. Группы быстро превращаются в банды.

– В основном по ночам, – прокомментировала Фред. – Но да, бывает, такое случается и днем.

– Я не выходила на улицы вечером уже три недели, если не считать той страшной пробежки после позднего эфира. А ведь раньше любила гулять по ночному городу.

– Просто нужно знать районы, где можно безопасно перемещаться.

– А такие существуют? И где же?

– Там, где живет больше хороших людей, чем плохих. Да и большинство плохих на самом деле не злые, просто напуганные и отчаявшиеся. Но от некоторых действительно лучше держаться подальше. И тогда нужно знать, как прятаться.

Арлис подумала, что вожаки для новостей, похоже, шагает рядом с ней.

– И откуда тебе известно про эти безопасные районы?

– Общаюсь с людьми, а они общаются с другими людьми, – весело ответила Фред, открывая дверь на улицу. – Я ничего не рассказывала раньше, потому что не хотела выдать местоположение этих районов негодяям, если вдруг эта информация попадет в эфир. Решила сообщить всем вам, когда настанет время распускать сотрудников студии. Чтобы вы тоже могли попытаться поселиться в безопасном месте.

– Ты меня поражаешь, Фред.

– Иногда там даже помогают выбраться из города. Но большинство не желает покидать Нью-Йорк, даже если приходится сражаться за жизнь. – Когда они вышли наружу, стажер удивленно заинтересовалась: – Ты разве не собираешься надевать маску?

– Ты же не хуже меня понимаешь, что они бесполезны. – Арлис выразительно посмотрела на Фред. – Если уж подхватишь вирус, то ничто не спасет.

– Но они создают у людей чувство безопасности. Мне казалось, тебе этого хотелось.

– Больше нет. Хватит прятаться за ложными отговорками. – Заперев дверь, журналистка взглянула на рыжую спутницу. – Мы будем держаться вместе, но на всякий случай должна спросить: у тебя есть ключ?

– Не переживай, – успокоила та.

Арлис кивнула и быстро зашагала по улице на запад. В воздухе воняло гарью, кровью и мочой.

– Фред, ты могла бы назвать приблизительное количество людей, которые живут в тех безопасных районах? Я не буду использовать это в новостях. Не для протокола.

– Я и сама точно не знаю. Подсчет ведется, но цифры постоянно меняются. Кто-то приходит, кто-то уходит. Некоторые заболевают и умирают. До сих пор. Мы... Они пытаются переносить тела в парки на рассвете. Пока еще холодно. Ну, ты понимаешь.

– Понимаю. Однако, как только установится теплая погода, запах разложения будет повсюду. А те, кто умер в помещениях...

Арлис замечала характерный сладковатый аромат и в своем здании.

– Невозможно устроить всем похороны и поминки, – с сожалением продолжила Фред. – Умерших слишком много. Кто может, просто произносит речь и... Приходится сжигать трупы.

Ну, из-за кошек, собак, крыс... Животные не виноваты, но... Так что приходится кремировать. Это хорошая, чистая и добрая церемония, как мне кажется.

– Ты бывала на этих... похоронах?

Фред кивнула.

– Это так грустно, Арлис. Но правильно. Сейчас особенно важно поступать правильно. Но умерших так много... Гораздо больше, чем сообщают в официальных отчетах.

– Я знаю.

– Знаешь? – Фред покосилась на спутницу из-под шапки.

– У меня есть источник информации, но... Это похоже на ситуацию с безопасными районами. Если выдать в эфир все, о чем он мне рассказал, то меня остановят и, скорее всего, доберутся до моего осведомителя.

– Ты бы этого не допустила. Не раскрыла бы его местонахождение.

– Я бы ничего не рассказала, но существуют и другие способы отследить наши контакты. Нельзя рисковать. Он проинструктировал, как поступить, если я решу озвучить в эфире его информацию. Нужно будет уничтожить мой рабочий компьютер, все записи. А потом уносить ноги.

– Но куда?

– Я не могу рассказать.

– Потому что твой источник сообщил это по секрету?

– Точно. Но если...

– Тс-с-с! Слышишь? – не дожидаясь ответа, Фред схватила Арлис за руку и затащила в помещение, которое раньше служило обувным магазином. С улицы донесся звук мотора.

– Похоже на мотоцикл. Мародеры?

– Да, они любят такие. Легче объезжать препятствия. – Фред сделала знак замолчать и потянула спутницу прочь от разбитой витрины в глубь магазина, чтобы спрятаться в густой тени.

Арлис открыла рот, чтобы задать вопрос, но стажер яростно замотала головой.

Совсем рядом послышались звук разбитого стекла и громкий хохот. Затем ревущий мотоцикл пронесся мимо и затих вдали.

Фред вскинула руку, жестом приказывая ждать, и они просидели молча еще несколько секунд.

– Некоторые из них слышат не хуже летучих мышей. А иногда передвигаются группами. Лучше не рисковать.

Облегченно выдохнув, Арлис осмотрелась по сторонам. Вдоль стен громоздились пустые стеллажи. Если раньше по центру и стояли витрины, то сейчас их кто-то вышвырнул.

По полу были разбросаны несколько разных моделей обуви, сумки и носки.

– Удивлена, что грабители не разворовали все.

– Мародеры забирают что хотят, а остальное портят: мочатся или еще что похуже. Они не хотят, чтобы кто-то получил даже то, что им самим не нужно. Так что сейчас они в основном занимаются погромами.

Фред вывела Арлис наружу, прокралась к перекрестку и долго смотрела по сторонам, прежде чем подать знак, что можно пересекать улицу. Обе девушки старались двигаться быстро, но тихо.

– Мародеры напиваются или употребляют наркотики, – продолжила рассказывать стажер, – а потом поджигают здания и стреляют из пистолетов. Объезжают окрестности в поисках тех, кто прячется недостаточно быстро или бежит слишком медленно. Охотятся и избивают людей. А иногда и убивают. И теперь принялись за обыски.

– Они обыскивают прохожих?

– Нет, осматривают здание за зданием. Те, в которых живут люди. Вернее, жили. Именно мертвецы пока удерживают Мародеров от разграбления некоторых домов. Но это ненадолго. Скоро они продолжат крушить, забирать все, что вздумается, и калечить невинных жертв. – Фред резко остановилась и посмотрела на пустую машину. – Вчера здесь этого не было. Видишь, Мародеры пытались пробраться и сюда, но улицы почти полностью перекрыты. Пассажиры не забрали свои вещи. Поклажа оказалась слишком тяжелой, чтобы захватить, когда пришлось убегать. Рынок уже близко.

– Этот район – один из безопасных?

– В достаточной мере, если соблюдать осторожность, – улыбнулась Фред.

Затем остановилась перед заколоченным складским зданием. Арлис нахмурилась, увидев незнакомые символы, нарисованные краской на деревянных досках.

– Что они означают?

– Э-э... Можно сказать, это пожелание удачи. Внутри сейчас кто-то есть. Не бойся, – быстро добавила рыжая провожатая, – это не Мародеры или злые люди.

– Откуда ты знаешь?

Но Фред уже раздвинула две доски и скользнула внутрь.

– Всего вам доброго, – сказала она, затем обернулась и пояснила спутнице: – Это что-то вроде пароля.

Арлис сомкнула за собой ограду, и вокруг воцарилась кромешная тьма без единого лучика света. Затем включился фонарик.

– Кто это с тобой, Фред?

– Привет, Ти Джей. Это Арлис, моя коллега, она хорошая.

– Ты привела ее, чтобы поселить в одном из безопасных районов?

– Не сейчас. Она хочет взять у кого-нибудь интервью, и я решила заскочить сюда, чтобы захватить пару банок консервов для пополнения запасов на телестанции. Как Ной? – Не дождавшись от собеседника ответа, Фред сделала шаг вперед. – Ти Джей, ты же знаешь, что я бы не привела сюда того, кто хочет навредить.

– Можно причинить вред, даже не желая того.

– Пожалуйста, перестаньте светить мне прямо в лицо, – прохладно произнесла Арлис. – Тогда я сумела бы все объяснить сама. – Луч фонаря медленно сместился ниже, и она продолжила: – Думаю, выпуски новостей вскоре прекратятся. Осталось совсем мало каналов, которые до сих пор могут и желают работать. Но информация имеет огромное значение. Даже если ее не так много. Не знаю, сколько людей еще смотрит наши эфиры, но они в состоянии передать новости дальше. По моим приблизительным оценкам, вещание прекратится через несколько дней, максимум – через неделю. Так что, пока этого не произошло, мне бы хотелось делать свою работу. Потом придется искать другие способы делиться информацией.

– Так что там за фигня насчет интервью?

– Хочу рассказать в эфире чью-то личную историю. Чтобы другие люди услышали не меня, а кого-то другого, кто проходит через творящийся вокруг ужас. Потому что такой рассказ важен. Только это сейчас и важно.

– Вы собираетесь поведать чью-то историю?

– Я хочу, чтобы вы сами поведали свою историю, – поправила Арлис. – Чтобы вы обратились ко всем тем людям, которые еще держатся, выживают, и рассказали, что думаете, что чувствуете, как справляетесь. Даже если это услышит всего один человек, возможно, это поможет ему продержаться чуть дольше.

– Поговори с ней, Ти Джей. Это будет правильно.

– Никаких имен, – добавила Арлис. – Я назову вас как-то иначе. И никаких адресов. Я не стану упоминать, где состоялась наша беседа. Я принесла диктофон, и если вы скажете «Не для протокола», то сразу выключу его.

– Вы планируете выпустить это в сегодняшний эфир?

– Я собираюсь попросить руководителя транслировать запись каждый час вплоть до вечернего выпуска. А завтра, если получится, постараюсь пообщаться с кем-то еще, узнать его историю и повторить то же самое. Нынешние времена не станут концом света. Мы этого не допустим. Мародерам не удастся сломить нас. Мы справимся с ними. Выживем, несмотря ни на что. Я хочу, чтобы вы поведали вашу правду.

– Вы желаете услышать мою историю? Так я вам ее расскажу.

– Можно включить диктофон? И зажечь фонарик?

– Валяйте.

Арлис нашла в рюкзаке фонарик, достала из кармана диктофон и, прежде чем включить его, направила луч света туда, откуда звучал голос Ти Джея.

Ее собеседником оказался крупный чернокожий мужчина с широкими плечами и яростным взглядом темных глаз. Короткий ежик волос на голове подсказал журналистке, что Ти Джей брился налысо вплоть до недавнего времени.

– Можете называть меня Беном.

– Хорошо, Бен. Я включаю диктофон. Это Арлис Райд. Я беседую с Беном, которого попросила поведать всем нам его историю. Пандемия изменила жизнь каждого человека на планете. Как вы с этим справляетесь?

– Как, как. Встаю по утрам и делаю то, что необходимо. Когда просыпаешься, на долю секунды кажется, что все по-прежнему. Но потом вспоминаешь, что это не так. Что мир изменился навсегда. Но все равно поднимаешься с кровати и продолжаешь жить. Три недели и два дня назад я потерял мужа, лучшего человека из всех, кого я знал. Офицер полиции, награжденный медалью за доблесть. Когда эпидемия начала распространяться, он ходил на работу каждый день и старался помогать людям. Служить и защищать. Это стоило ему жизни.

– Он погиб при исполнении?

– Да. Но не от пули или ножа. Это было бы быстрее и милосерднее. Он заразился и слег. К тому моменту больницы были переполнены, так что он решил остаться дома. И умереть в своей постели. Он беспокоился только о том, что может передать инфекцию мне. Но этого не произошло.

Ти Джей сделал паузу, собираясь с силами, а затем продолжил:

– Два ужасных дня я заботился о нем, делал все возможное. Два кошмарных дня, а потом мы оба поняли, что уже нельзя притворяться, будто это истощение после двойных смен. Поняли, что это Приговор. Не хочу вспоминать те два дня. Просто скажу, что мой любимый человек умер, как того и желал – дома. После этого я отнес его... к месту упокоения.

– Соболезную от всей души, Бен.

– Каждый считает собственную потерю худшим, что могло произойти. Но эта проклятая чума у всех кого-то забрала. Мы все прошли через тяжелые испытания.

– Но вам удалось с этим справиться. И вы продолжаете справляться.

– Я тоже хотел умереть. Заразиться и погибнуть. Но этого не случилось. Потом собрался взять табельное оружие мужа и застрелиться. Размышлял об этом, пока люди устраивали погромы на улицах, вели себя как дикие животные. Но потом вспомнил его слова и подумал, что разочарую его, если не буду ценить жизнь и стараться помочь окружающим. И все равно искушение оказалось сильным.

Ти Джей замолчал почти на тридцать секунд, но Арлис не стала его торопить, дала время собраться с мыслями.

– В том здании, где я живу, – наконец продолжил он, – люди умирали, или сбегали, или присоединялись к животным на улицах. Это заставило меня подумать, что мир погрузился во тьму и надежды больше нет. Но голос мужа в голове говорил: «Не делай этого, не сдавайся».

– И вы его послушали.

– Я едва не поддался отчаянию. Однажды вышел на улицу, чтобы достать еды. А может, желая повстречать смерть. Сам не знаю. Как бы там ни было, я все шел и шел, пока не наткнулся на мальчишку, который сидел на крыльце дома, где раньше жил. Не могу сказать имя этого парнишки.

– Будем звать его Джоном.

– Хорошо. Джон плакал, так как все его родные умерли: родители, братья. И он не мог вернуться обратно в дом. Сами понимаете почему.

– Да.

– Вначале мальчонка подумал, что я собираюсь его обидеть, но не убежал, а встал, чтобы принять бой. Представляете? Горюющий, напуганный ребенок готов был дать отпор! А я? Что делал я? Только упивался собственной печалью. Так что я сел рядом с ним на ступени, и мы немного побеседовали. После этого я взял тело его умершей матери и понес туда, где похоронил мужа. Но по пути к нам подошел кое-кто, чье имя я тоже не буду называть. – При этих словах взгляд Ти Джея метнулся к Фред. – Она предложила помочь и сказала, что знает и других хороших людей. Вместе с ними мы перенесли и погребли всех членов семьи Джона.

Мужчина снова сделал паузу, тяжело вздохнул, но завершил рассказ:

– Парнишка переехал жить ко мне. Теперь мы встаем по утрам, завтракаем и занимаемся математикой, чтением и другими предметами. Очень важно, чтобы он продолжал учиться. Затем я показываю ему приемы самообороны на случай необходимости. А еще мы играем, потому что это не менее важно, чем образование. Так и справляемся: встаем и делаем то, что необходимо. Когда Джон будет готов – прошла ведь всего пара недель, – я планирую вывезти его из города и найти какое-нибудь спокойное, чистое место. И там мы продолжим вставать по утрам и делать то, что необходимо. Мы построим жизнь заново, потому что вокруг существует не только смерть. – Ти Джей посмотрел в глаза Арлис и повторил ее слова: – Нынешние времена не станут концом света. Мы этого не допустим.

– Спасибо, Бен. Надеюсь, вашу историю услышат все, кто в ней нуждается. Я в ней нуждалась. С вами была Арлис Райд. Благодарю каждого из вас, всех, кто делает то, что необходимо. – Она выключила диктофон и обратилась к Ти Джею: – Не ждите, пока Джон будет готов. Увозите его из города прямо сейчас.

– Его зовут Ной. – Мужчина переводил взгляд с одной девушки на другую, но в конце концов уставился на журналистку. – Вы что-то недоговариваете.

– Я знаю, что вскоре обстановка в Нью-Йорке накалится, и если бы от меня зависело благополучие ребенка, то я бы немедленно убиралась отсюда как можно дальше. Фред сказала, кто-то может помочь с побегом. Так что советую собирать вещи и обращаться к этим людям. – Арлис повернулась к спутнице: – Тебе стоит присоединиться к Ти Джею и Ною.

– Я лучше останусь с тобой, – нахмурилась Фред, а потом добавила, обращаясь к мужчине: – Ты знаешь, с кем нужно связаться. Seriously, если Арлис говорит, что лучше выбираться из города, то так и следует поступить. Ради мальчика.

– Я с ним поговорю. Он понимал, что этот день рано или поздно наступит. Я буду скучать по тебе, Фред.

Ти Джей подошел к девушке и неловко обнял, нависая над ней, как башня.

– И я. Но кто знает, вдруг нам суждено еще встретиться.

– Очень на это надеюсь. – Он протянул руку Арлис. – Я думал, что разозлюсь, рассказывая свою историю, но вместо этого ощутил покой. Берегите себя.

– Обязательно. Удачи вам, Ти Джей.

Мужчина поднял сумку с провизией, бросил на девушек последний взгляд и проскользнул в щель между досками.

– Отличное вышло интервью. И, думаю, этот блок произведет сильное впечатление на зрителей, – воодушевленно заявила стажер и чуть тише добавила: – Мне кажется, Ти Джей

оказался в это время в этом месте именно потому, что должен был поведать миру свою историю и узнать от тебя о необходимости бежать из Нью-Йорка.

– Нам обоим повезло.

– Это не простая удача. А предназначение. Мне тоже есть что тебе рассказать. Но только не для протокола.

– Конечно. Давай заберем консервы, о которых ты говорила, и побеседуем по пути обратно на телестанцию. Хочу как можно быстрее подготовить материал.

– Это лучше показать, причем прямо здесь, где безопасно. Только не пугайся, ладно?

– С чего бы... – Арлис резко замолчала, когда Фред взмахнула рукой, и вокруг ее пальцев заплескали искрящиеся огоньки. – Как ты...

– Хотела, чтобы тебе было лучше видно, – объяснила собеседница и развела руки в стороны.

На глазах изумленной Арлис из спины Фред прямо сквозь пальто выросли полупрозрачные мерцающие крылья. А затем она взмыла в воздух.

– Что... Что это?

– Я тоже сперва немного испугалась, когда однажды это произошло. А потом подумала: это же просто нереально круто! Оказывается, я фея!

– Что? Фея? Это просто сумасшествие какое-то. Ты можешь вернуться на землю?

– Это так весело! Но ладно. – Фред скользнула вниз одним плавным движением и встала рядом с Арлис, перестав махать крыльями, но не убрав их. – Только нельзя об этом сообщать в новостях. Таких, как я, называют Уникумами. Сама не знаю, нравится мне это слово или нет. Хотя начинаю проникаться новыми способностями. А вот когда ты читаешь новости, сразу видно, что не веришь в сверхъестественное. Звучит это так: типа, ну да, конечно же. – Стажер снова взлетела и озорно рассмеялась: – И вот теперь я говорю: «Ну да! Конечно же!»

– Это невозможно.

– А разве возможно, чтобы больше миллиарда людей погибли в течение месяца? И все же это произошло. А это? Я? Подобные мне? Это не только возможно, но стало теперь частью реальности. Мне кажется, для восстановления баланса. Хотя не уверена. Я не могу узнать наверняка, так что просто приняла свои новые силы.

– Подобные тебе?

– Феи, эльфы, ведьмы, сирены, колдуны – и это список только тех, кого я встречала лично. – словно эта мысль привела Фред в восторг, она вспорхнула еще выше. – Но нам приходится быть осторожными. Сверхъестественные существа могут оказаться как хорошими, так и плохими, в точности как люди. А еще есть негодяи, которые стремятся навредить нам. Да и обычные перепуганные горожане иногда предпочитают напасть первыми, потому что не понимают природу магии.

Девушка снова опустилась на землю, прикоснулась к руке Арлис и добавила:

– Я показала и рассказала тебе все это потому, что чувствую: тебе можно доверять. А я всегда прислушивалась к интуиции, даже когда не знала, что я фея.

– Мне кажется, что я задремала за столом и вижу сон.

– Ты и сама знаешь, что это не так, – рассмеялась Фред и дружески похлопала спутницу по плечу.

– Я... Мы... Нам следует серьезно обсудить все это.

– Ага, без проблем. Но сначала нужно вернуться, подготовить материал и запустить в эфир. Может, после вечернего выпуска, когда все уйдут, мы сядем, нальем по бокалу вина и побеседуем. Я припрятала одну бутылку в кладовой.

– Думаю, мне потребуется немало выпивки, чтобы переварить эту новость.

– Хорошо, но давай для начала заберем консервы и вернемся на работу. Мне еще нужно будет поправить тебе макияж и уложить волосы перед эфиром.

– Точно.

– Ты удивилась?

– Это еще мягко сказано. Я потрясена.

– Но ты сделаешь то, что необходимо, – улыбнулась Фред. – И не выдашь меня, как не выдашь свой источник, Ти Джея и Ноя. Потому что ты принципиальная.

Джим, правда, назвал Арлис совсем по-другому. Когда они с Фред вернулись, руководитель отругал их обеих, окрестил безответственными идиотками и прочитал длинную лекцию об осторожности, которая всерьез разозлила бы журналистку, если бы она не видела написанное на лице немолодого мужчины беспокойство. За гневом отчетливо слышался страх за подчиненных.

И все же интервью Джим признал первоклассным. Он прослушал запись дважды, а потом откинулся в кресле.

– Исключительный материал. Ты позволила этому Бену направлять повествование, дала возможность говорить от души. Многие репортеры засыпали бы его вопросами, стараясь подтолкнуть в нужном направлении. Ты не совершила этой ошибки.

– Это была не моя история.

Джим повернул кресло и уставился в панорамное окно – украшение кабинета, который теперь редко использовался. Руководитель вызвал девушек сюда, чтобы отчитать.

– Все истории принадлежат кому-то другому. Еще до того, как все покатилося к чертям, многие журналисты об этом забывали. А я сам был слишком занят работой и проглядел в тебе эту черту настоящего репортера. – Джим снова развернулся в кресле и посмотрел на подчиненных. – Нужно подготовить этот материал к следующему эфиру. И записать подводку к новому блоку.

– Уже обдумываю. А еще я бы хотела транслировать интервью Бена каждый час до вечернего выпуска.

– Так и поступим. И не вздумайте еще раз провернуть нечто подобное, не спросив у меня разрешения. И еще, Арлис, как тебе вообще пришло в голову потащить с собой эту мелюзгу? Прости, Малышка Фред, но тебе далеко до Чудо-женщины.

– Это точно, она скорее тянет на Динь-Динь¹⁶, – пробормотала Арлис, вызвав смехок у стоявшей рядом стажерки.

– Верно подмечено, – не заметив подвоха, кивнул Джим. – А теперь живо за работу, вы обе.

Арлис надиктовывала Фред подводку к интервью, пока поправляла макияж и расчесывала волосы, сидя за столом ведущего и в любой момент ожидая появления за спиной зеленого фона и предупреждения в наушнике. Вскоре эфир начался.

– С вами Арлис Райд. Я подготовила новый блок, который, надеюсь, станет постоянным. Каждый день, несмотря на трагические потери и отчаяние, люди продолжают жить. Жить, невзирая на гибель близких, невзирая на неуверенность в будущем. У каждого из нас – своя история о прежнем мире и о том, каким он стал теперь. Это – история Бена.

Вещание переключилось с камеры на звукозапись.

Арлис снова прослушала интервью и обнаружила, что слова мужчины звучат еще более пронзительно. Подумала о нем и маленьком мальчике, надеясь, что им удастся выбраться из города и найти хорошее место. В завершение трансляции она подвела итог:

– Мы будем ставить историю Бена каждый час, чтобы напомнить всем о человечности и доброте. С вами была Арлис Райд. Прощаюсь до следующего часа.

¹⁶ Речь идет о вымышленных персонажах: Чудо-женщина – сильная и могущественная предводительница амазонок из комиксов DC, а Динь-Динь – фея из сказки Дж. Барри «Питер Пэн».

Как только эфир закончился, Фред принялась аплодировать, а потом направилась вслед за ведущей в отдел новостей.

– Я хочу уговорить Джима, чтобы завтра он позволил нам взять с собой переносную камеру, – пояснила Арлис.

– Потрясающая идея!

– Мы не станем снимать тех, кто этого не захочет, но сможем получить картинку, видео с улиц. Если кто-то еще из твоих знакомых будет готов рассказать свою историю, просто сообщи, и мы обязательно все организуем. А насчет того вина... Давай заберем бутылку и пойдем ко мне домой после вечернего выпуска. Переночуешь у меня. Думаю, нам нужно многое обсудить.

– Я люблю ходить в гости!

Арлис не понимала, как кто-то может быть настолько жизнерадостным, учитывая обстановку в мире. Но потом вспомнила, что Фред – фея. Возможно, веселый нрав – характерная черта их вида. Хотя сложно представить, каким образом девушка, целый год проработавшая простым стажером, оказалась существом из сказок.

От всех этих мыслей голова у ведущей шла кругом.

Но ее ждала работа: требовалось найти новый материал для вечернего выпуска. Спустя некоторое время информации прибавилось не слишком много, но Арлис точно знала, что будет читать новости о женщине из Висконсина, которая заставляла распускаться цветы, уже без снисходительной ухмылки на лице.

Для вечернего эфира журналистка решила сменить пиджак, серьги и прическу, собрав волосы в хвост. Зачем утомлять зрителей и заставлять смотреть на один и тот же образ?

За день Арлис выпила уже достаточно кофе, поэтому перешла на воду, вспомнив золотое правило хороших людей: брать только необходимое, чтобы осталось другим. Затем прошла за стол ведущего, проверила текст новостей и расправила плечи. Черт, как замечательно будет выпить вина после такого рабочего дня!

Услышав сигнал к прямому включению, Арлис приняла серьезный, профессиональный вид. Но уже после первой новости до нее донесся небольшой шум от камеры. А потом голос Джима в наушнике произнес:

– Боб Баррет только что зашел в студию. Кажется, он пьян. Я спускаюсь, попробую его отвлечь.

Арлис продолжила зачитывать новости, краем глаза заметив движение.

– Джим не успеет вовремя, – сказала Кэрол в наушник. – Я прерву вещание.

– Арлис Райд! – Глубокий баритон прежнего ведущего звучал невнятно, а сам он пошатывался, подходя все ближе.

– Все в порядке, Кэрол. Это место, в конце концов, принадлежит Бобу.

– Чертовски верно подмечено! – Он вскарабкался на возвышение и плюхнулся на стул рядом с Арлис. До нее тут же донесся запах алкоголя и застарелого пота. Грубоватое лицо Боба блестело и под студийным светом выглядело болезненно бледным, а налитые кровью глаза недовольно изучали девушку. – Я просидел за этим столом двенадцать лет.

– И всегда демонстрировали непоколебимую уверенность. Хотите завершить этот выпуск новостей?

– Пропади они пропадом, эти новости! Мир полетел к чертям, всем и без вас это известно. История Бена? – Боб Баррет с отвращением фыркнул. – Ни капельки меня не тронула, новичок. Лучше дай рассказать настоящую историю профессионалу. – Арлис застыла: пьяный коллега достал пистолет и взмахнул им, направив на бегущего в их сторону Джима. – А ты стой на месте, приятель. Всем стоять на месте! И, Кэрол, милая, если ты обрубешь трансляцию, я об этом узнаю и тут же всажу пулю в голову этой прелестной малышки.

– Это ваше место, – повторила Арлис, чувствуя, как пересохло во рту, и безуспешно пытаясь сглотнуть.

Глава 7

Когда она была еще зеленым новичком и только мечтала о проведении серьезных интервью с главами государств, Арлис представляла себя в чрезвычайных ситуациях, когда на кону стоят жизни. Воображала, как ее отважные и лихие действия под давлением обстоятельств повлияют на судьбы всей нации.

Теперь же, под дулом пистолета, наставленного пьяным и, вероятно, сумасшедшим коллегой, в голове не было ни единой мысли. Липкий холодный пот стекал по позвоночнику.

– Не прошло и пяти секунд, как ты усадила свою задницу на мой стул, да? Вам, молодым стервам, только дай нож – сразу в спину вонзите.

– Все здесь, как и все телезрители, знают, что я заменяла вас, только пока вы сами не вернетесь. – Словно с задержкой из-за плохого сигнала, Арлис слышала собственный голос: невыразительный, деревянный.

– Не пытайся меня обмануть, девчонка, я и сам в этом деле собаку съел.

Обидное прозвище разозлило Арлис настолько, что она решилась возразить. Позднее, когда появилось время проанализировать свои действия, она признала, что поступила глупо, так как реакция была инстинктивной, но в тот момент рефлексы привели перепуганную девушку в чувство и заставили снова соображать.

– Вы же профессионал, Боб. Не верю, что такой опытный журналист, как вы, будет бросаться сексистскими оскорблениями и безосновательными заявлениями. – Арлис даже укоризненно покачала головой, поцокала языком и нахмурилась. – Вы раскритиковали мой выпуск новостей и историю Бена и обещали поведать свою. Уверена, зрителям не терпится ее узнать, как и мне.

– Значит, хочешь послушать мою историю?

– Очень. – «Заставляй его болтать, – думала она про себя. – Может, он вырубится от выпитого спиртного».

Либо Арлис утонет в собственном поту, прежде чем свалиться с пулей в голове.

– Я в этой профессии двадцать шесть лет. И двенадцать из них провел за этим самым столом. Ты хоть знаешь, почему вечерние выпуски новостей нашего канала неизменно били все рейтинги?

– Да, знаю. Потому что люди доверяли вам. Полагались на ваши профессионализм, спокойствие и уверенность.

– Я не просто читал новости с листа, а сам их находил, бился за каждый кусок информации, который вносил в выпуск. Я заслужил это место. – Боб врезал кулаком по столу так, что бумаги подлетели. – И боролся за свою должность каждый божий день. Вечер за вечером выходил в эфир и рассказывал людям правду. Вот и теперь я собираюсь поведать истину всему миру, вернее тому, что от него осталось.

Держа пистолет трясущейся рукой, пьяный ведущий повернулся к камере и взревел:

– Все кончено! Вы слышите меня, придурки? Все! Кончено! Человечество вымирает, а на его место уже спешат противоестественные демоны из преисподней. Вам суждено либо захлебнуться в собственной блевотине, либо подохнуть от рук этих тварей. Я видел их своими глазами: крадущихся в тених, летящих сквозь тьму. Может, ты одна из них?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.